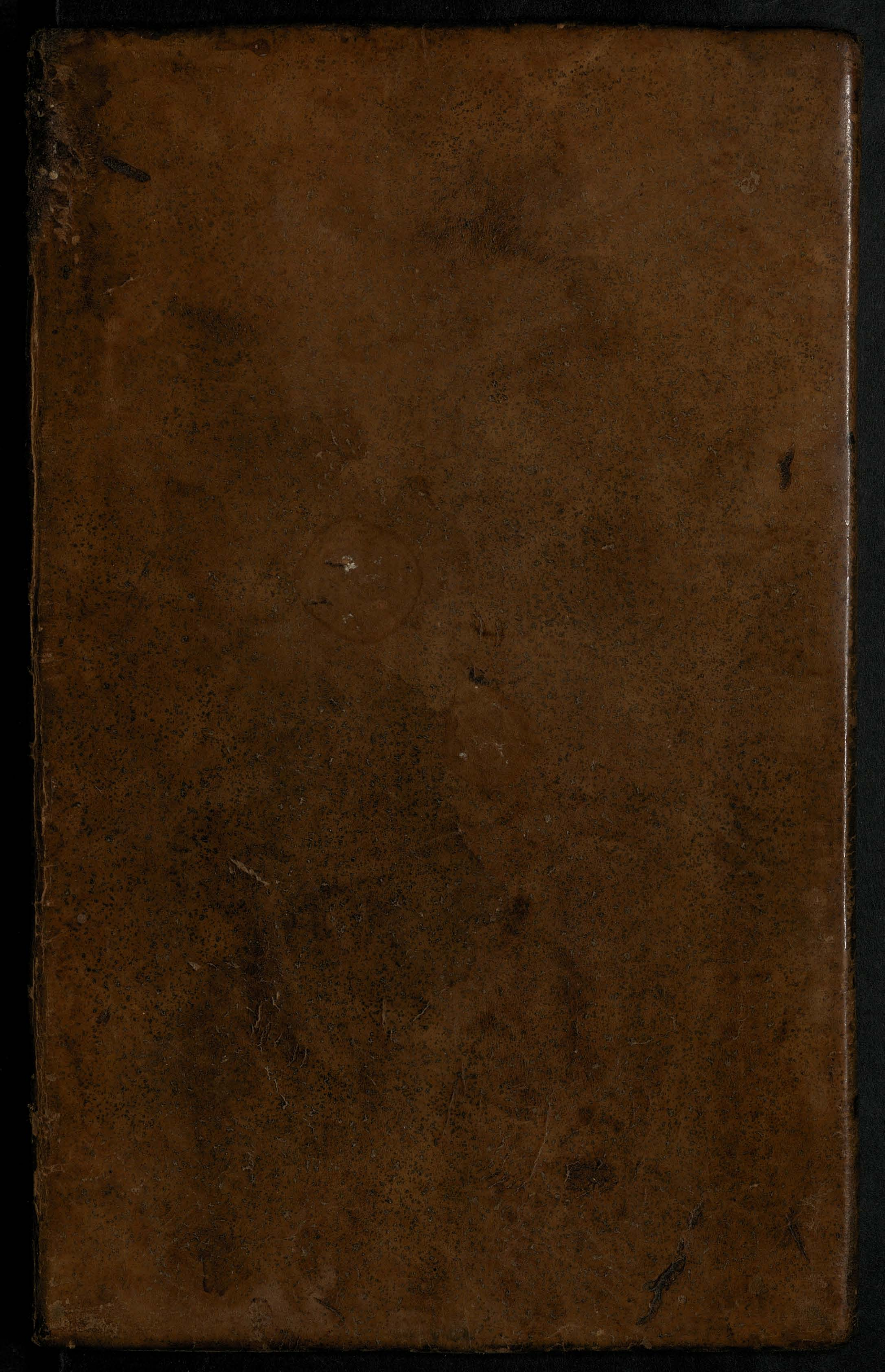
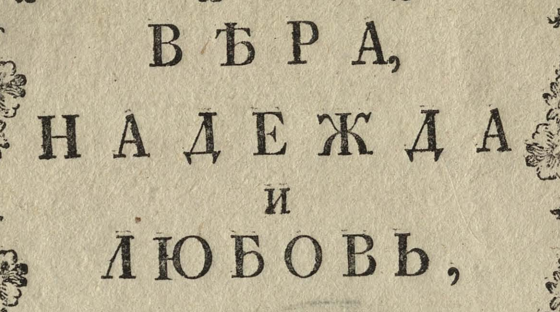


Вар. Б
1-й экз.

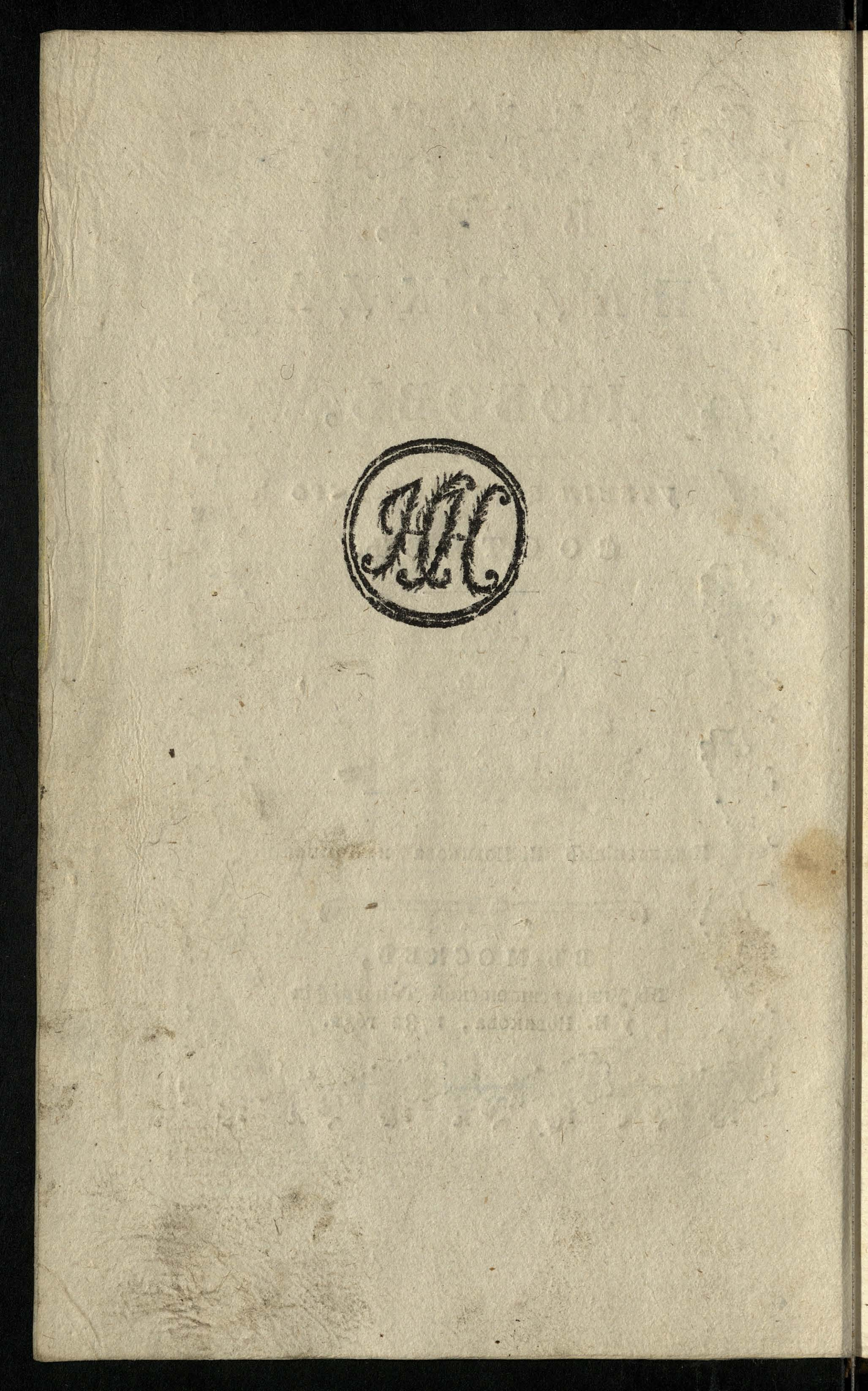


ВѢРА, НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ,

УЧЕНІЯ БОГОСЛОВСКАГО СОСТАВЪ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1782 года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ

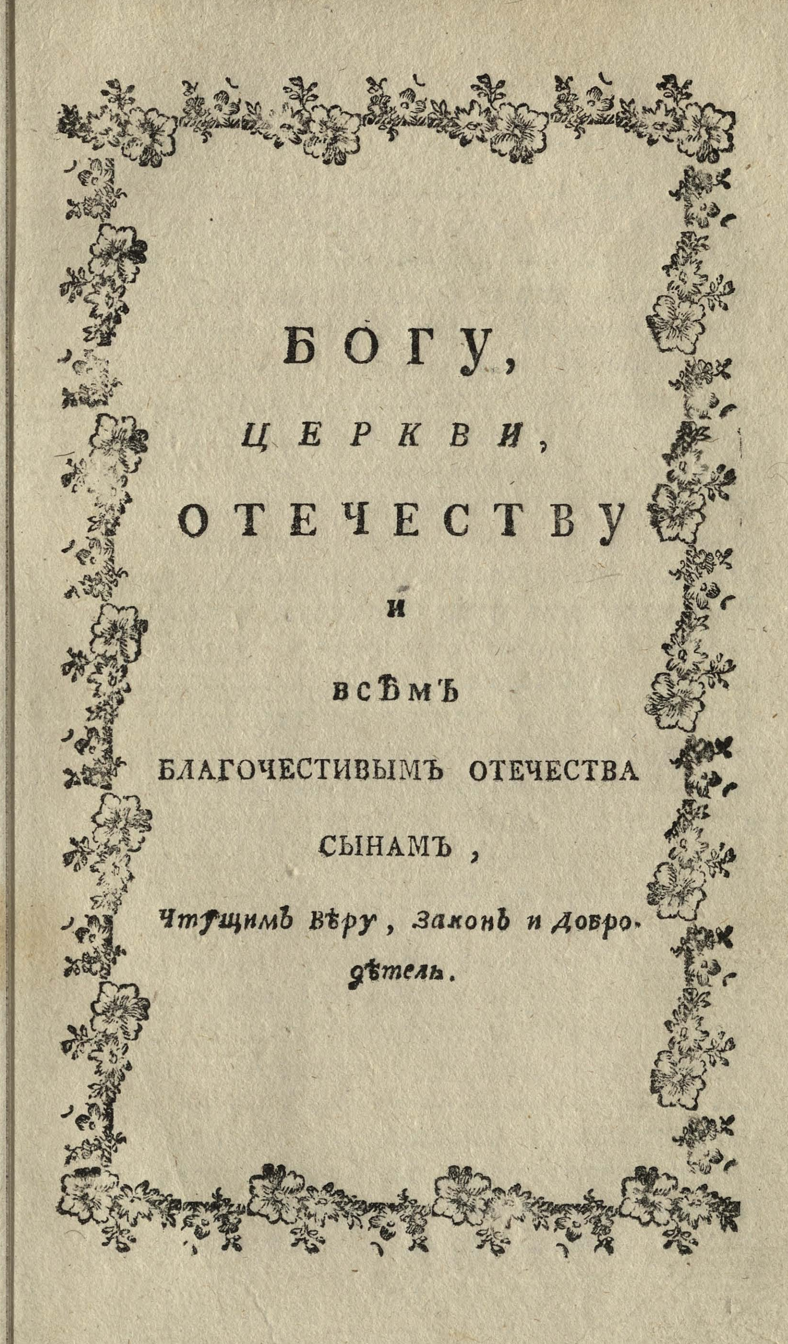
стран.

ЧАСТЬ I. ВѢРА.

ЧАСТЬ II. НАДЕЖДА.

4.

ЧАСТЬ III. ЛЮБОВЬ.



БОГУ,

ЦЕРКВИ,

ОТЕЧЕСТВУ

И

ВСѢМЪ

БЛАГОЧЕСТИВЫМЪ ОТЕЧЕСТВА

СЫНАМЪ,

Чтущимъ вѣру, законъ и добро-
дѣтель.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Ежели бы смотрѣть на тѣ неудовольствія, которыя случаются при изданіи на свѣтъ книгъ: то бы можетъ быть и лучшіе ученыхъ людей труды были забвеніемъ погребены. Бѣдность, учености сестра, неправедная критика, по которой не рѣдко малыя погрѣшности упражаютъ; а о всемъ хорошемъ или умалчиваютъ, или съ уменьшеніемъ говорятъ. Недостатокъ и трудность въ печатаніи. Недоброхотство тѣхъ, кои сами не трудятся, а трудящихся порицаютъ и прочія неудобства могли бы насъ отъ полезныхъ упражненій отвлекать; есть ли бы можно было позабыть, что мы раждаемся на трудъ; что жить должествуемъ не себѣ, а другимъ; что всѣхъ нашихъ дѣйствій должна быть предметомъ польза Отечества, а не собственныя выгоды. Сими причинами и я будучи побужденъ, не опуская обыкновенныхъ по должности моей дѣлъ, старался удѣлить времени и для сей книжицы. Въ собственной Его Высокопреосвященства Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена Преосвященнѣйшаго Платона Архіепископа Московскаго и Калужскаго издѣшнія Лавры Священно-Архимандрита, моего достойно почитаемаго Архипастыря, котораго одобреніемъ оживляются и ободряются мои труды, Библіотекѣ, находящейся здѣсь въ Лаврѣ, нашелъ я нѣкоторую

торую книгу, напечатанную въ Страсбургѣ за 130 предъ симъ лѣтъ, въ коей содержится Апологія, или защищеніе отъ напрасныхъ въ безбожіи клеветъ, взнесенныхъ на нѣкотораго родомъ Агличанина, искусствомъ Врача, которой назывался Броунъ. Въ семъ оправданіи своемъ помѣстилъ онъ многія Богословскія мнѣнія, любопытства достойныя, которыя обратить въ пользу моихъ Соотечественниковъ, а особенно въ наставленіе порученныхъ Профессіи моей Богословіи студентовъ, почелъ я себѣ за долгъ. Почему расположивъ, какъ мнѣ казалось удобнѣе, оставивъ все то, что къ Богословскому ученію не служитъ, связавъ разсужденія своими мыслями съ изъясненіемъ и нужными примѣчаніями, какъ бы въ видѣ новоперестроеннаго зданія издаю на свѣтъ.

Не сомнѣваясь, что добродушный Читатель изъявитъ мнѣ свое удовольствіе благосклоннымъ сего труда принятіемъ. А недоброхотовъ, которые или по однимъ наслышкамъ, или не зная цѣны трудовъ и людей несправедливо судятъ, прошу воспользоваться чтеніемъ послѣднія въ сей книжкѣ части о Любви. Впрочемъ желаю, дабы тотъ, кто есть Начатокъ и Конецъ, обратилъ и сего труда намѣреніе къ прямому концу т. е. къ славѣ своей.

Ректоръ Іеромонахъ Аполлосъ.

ВВЕДЕНIЕ.

ВѢра сама въ себѣ есть чиста и непорочна. Безконечные споры людей не дѣлаютъ нареканiя ей; но пристрастiю человѣческому. Многiе съ превеликимъ упорствомъ защищаютъ свои мнѣнiя, да чтожъ изъ того вѣрѣ?

Многiе по неразумiю при кораблекрушенiи лучше хотятъ повѣрять себя противному счастiю; нежели разрушающiйся исправлять корабль. Чистота и непорочность нашея вѣры всегда была непоколебима! Отторгнувшiяся отъ нея секты не столько при взаимныхъ ругательствахъ имѣли къ тому побужденiемъ самое дѣло; сколько пристрастiя. Существо вѣры и основанiе спасенiя непоколебимы. А за то, что касается до принадлежностей токмо вѣры, или до ея обрядовъ, не

должно безразсудно другъ друга вѣчному проклятію предавать. Мы будучи Христіане, не должны другъ противъ друга свирѣпствовать: твердый и непоколебимый духъ можетъ во всѣхъ мѣстахъ покланятися истинною Творцу своему. При наружномъ же поклоненіи потребно имѣть и внутренную набожность. Что многіе между Христіанами родились ненависти, то надобно думать произошло отъ злоупотребленій, которыхъ никто не хвалитъ. Всѣ обряды имѣютъ въ себѣ безъ злоупотребленія нѣчто изящное. Но невѣжество, взирающее на истинну, какъ бы чрезъ нѣкоторыя щелочки; непостоянныя души, которыя не умѣя сохранить шествія своего по тѣсному истинному пути, бродя сюда и туда, все и доброе въ суевѣріе преобращаютъ.

Все то, что называется (adiaphora), до существа вѣры не надлежащее, по внутренному духа нашего къ набожности расположенію, основываясь на словѣ Божіемъ, можемъ судить. Ежели

ли о чемъ умалчиваетъ С. Писаніе, тамъ церковь намъ долженствуетъ быть правиломъ. Естьли же гдѣ научаетъ насъ оное, то сія послѣдняя будетъ намъ истолковательницею. Взаимныя же ненависти и раздоръ совсѣмъ противны Христіанскому закону, который больше всего научаетъ насъ любви. А любви Христіанскія долгъ состоитъ въ томъ, дабы безъ мщенія исправлять. Сатиры или публично разглашаемыя ругательства могутъ много ненависти произвести въ тѣхъ, которые болѣе могутъ уловлены быть Риторикою, нежели Логикою. Но тѣ, которые имѣютъ здравѣе разсудокъ, истинну разбираютъ безъ всякаго ругательства и пристрастія.

Осторожно надобно обходиться съ тѣми, которые не держатся съ нами одного мнѣнія; и не прилично питать ненависть за то, что не согласны люди въ томъ, въ чемъ можетъ быть мы и сами, нѣсколько времени спустя, соглашаться не будемъ. Многіе вопро-

сы касающіеся до вѣры, не всегда бывают хороши. Случается, что лучшія бы слѣдствія были, ежели бы их не было: а наипаче, ежели спор выдет худой, и ежели слабость в защищеніи нашем может истиннѣ вред причинить. Ежели же хотим что нибудь узнать, то в разсужденія вступать должно с тѣми, которые превышают нас знаніем; а не с тѣми, которые малознающѣе нас, с которыми, споря показываем свой разум, или снискиваем их уваженіе, а чрез то и подтвержденіе наших мнѣній. Защищать или опровергать истинну не всѣ тѣ могут, которые об ней спорят. Есть не мало таковых, которые или не зная своея вѣры основаній, или по безразсудной к защищенію истинны ревности, суемудрствій толпы изводят на сраженіе, и непріятелю уступают наконец побѣду. Ибо случается иногда, что по такой же необходимости надобно и истинну защищать, как осажденный город, который по всѣм правам тебѣ надлежит. И так

лучше

лучше содержа безспорно истинну, наслаждаться мирною тишиною, нежели подвергать ея неизвѣстному сраженія случаю. Ежели гдѣ набѣгаютъ сомнѣнія, то надобно ихъ предоставить лучшему разсудку. Единодъ (истолкователь оной баснословной таинствѣ) есть проницающій истинну разумъ, которой, ежели только дать ему время на размышленіе, изведетъ самъ себя изъ тѣхъ тенетъ и оковъ, въ которыя по слабости или непостоянству своему запутывается. Въ Философіи, ежели какое сомнѣніе возродилось, безъ трудности можно изъ двоякаго пути выбрать дорогу, по которой итти. Но въ Богословіи должно шествовать свободно по протоптанной стезѣ, которая ничѣмъ незапутана, и послѣдовать основательному и первому церкви заведенію неупорною вѣрою; но такъ, чтобы умъ, какъ спица въ колесѣ, устремлялся къ своему центру. Такимъ образомъ преградится путь къ ересямъ, расколамъ и всѣмъ погрѣшностямъ, которыя подобны оной Аретузѣ (подземными кана-

каналами то являвшейся, то сокрывавшейся, бѣжавшей въ Сицилію:) ибо когда кажутся въ одномъ мѣстѣ быть прерванными, то въ другомъ мѣстѣ появляются. Повреждается ими не только разумъ, но болѣзнующія страсти наши, которыя однимъ заблужденіемъ не довольствуются, но присовокупляютъ ересь къ ереси, подобясь проклятому оному отступнику Люциферу, которой не довольствовался собственнымъ отпаденіемъ, но многіе духовъ тысящи въ свое сообщество привлекъ. И на опытѣ удачи узнавъ, искусилъ Еву, вѣдая, что ядотворное грѣха свойство можетъ ея съ мужемъ удобно заразить.

Самые еретики между собою не согласны. Аріане или наши Раскольники, не только отъ насъ отдѣлены, но и между собою не согласны. Ибо тѣ, которые по натурѣ своей къ расколамъ склонны, любятъ новости и произвольно разсыпаются на разныя стороны, которыхъ никакими мѣрами ни благоразуміемъ сократить не можно. И по-

тому

тому отторгнувшись отъ другихъ, и между собою не тѣсно соединяются, и не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлались публично отщепенцы, разсѣкаются на самыя малѣйшія доли, доколѣ совершенно уничтожатся.

Такъ подлинно, естествомъ вліяно, что иногда особеннаго ума люди особенныя также мысли и увѣренія имѣютъ, не только съ общими положеніями, но и съ мнѣніемъ другаго Автора несходные. Есть еще безчисленное множество вопросовъ, которые остались цѣлы и невредимы, въ которыхъ набожный высокопарный умъ можетъ свободно повсюду летать, не подвергая себя опасностямъ впасти въ заблужденія.

Богословскіе оные вопросы многихъ знаменитѣйшихъ мужей приводили въ сомнѣніе. Но вѣру, основанную на твердомъ исповѣданія камени не колебали. Есть въ ней много такихъ таинствъ, которыхъ не проницаемая глубина объяснена. Сокрытыми стопами слѣдуетъ

разумъ

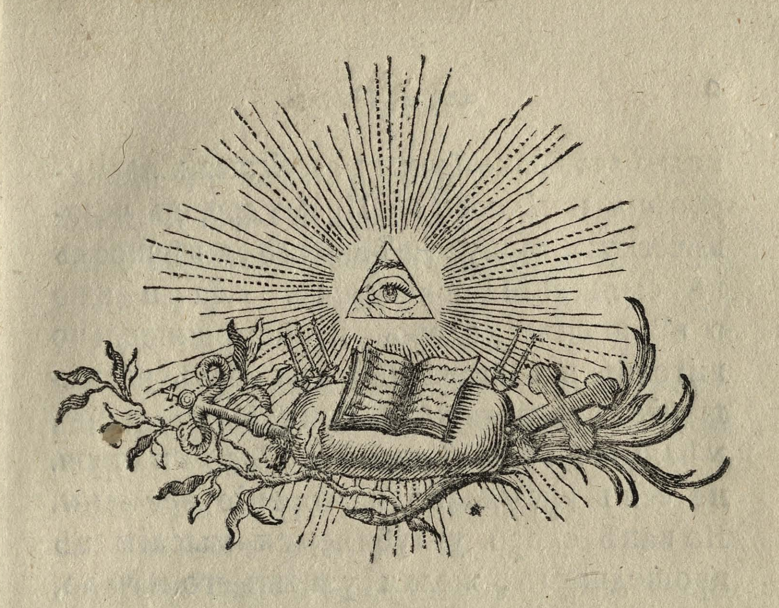
разумъ за таинствомъ, доколѣ достигнетъ до — *о глубина!* — въ трудностяхъ оныхъ о Святой Троицѣ, Воплощеніи и Воскресеніи иногда наединѣ углубляяся мысль, имѣетъ случай къ благоговѣйнымъ упражненіямъ. А что, или сатана, или поврежденный противополагаютъ разумъ, то все рѣшитъ Тертулліаново изреченіе: *Не сомнительно: понеже не позможно.* Вѣру въ непостигаемомъ показать должно; ибо вѣрить тому, что весьма извѣстно, или что чувствамъ подлежитъ, не есть дѣло вѣры, но увѣренія. Есть много такихъ, которые вѣруютъ для того, понеже гробъ Христовъ видѣли; которые узрѣвъ Чермное море, и о самомъ чудѣ, на немъ воспослѣдовавшемъ, не сомнѣваются. Но мы не можемъ назваться несчастливыми, что не въ тѣ времена, когда чудеса творились, жили, что Христа или Апостоловъ не видѣли, что ниже со Израильтянами чрезъ Чермное море проходили, ниже были въ числѣ тѣхъ, коихъ самъ Христосъ исцѣлялъ. Ибо тогда не хотя должны были бы мы увѣровать, но не удостоились бы мы того благо-

Іоан. гл. 20 с. 29

благословенія, которое Спаситель даетъ не видѣвшимъ и вѣровавшимъ. Не трудная тѣхъ вѣра, которые вѣрятъ тому, что очима видѣли, или чувствами дознали. О коль велика была вѣра ветхозаконныхъ, жившихъ прежде пришествія Мессіи! они въ темныхъ гаданіяхъ и изображеніяхъ таинственныхъ ожидали толь долговременнаго событія.

Твердая вѣра имѣетъ заподлинно нѣкоторое остріе, и сіе изреченіе не есть странное: *мечь вѣры.* Въ умозрительныхъ трудностяхъ служитъ она щитомъ, какъ и Апостолъ ея называетъ. Кто симъ огражденный щитомъ исходитъ на сраженіе, тотъ никогда не получитъ раны. Когда мы преуспѣваемъ въ мудрости т. е. когда познаемъ, что ничего не знаемъ: тогда умъ свой не можемъ болѣе и болѣе не плѣнять въ послушаніе вѣры, и не оказать большихъ въ ней успѣховъ. И когда узнаемъ сколь слабы разума силы, и сколь недоволенъ знать повсядневныя дѣй-

дѣйствія натуры: то несравненно будемъ менѣе, и не будемъ дерзновенно любопытствовать о тонкостяхъ. Такими то доказательствами надобно разумъ покорить въ послушаніе вѣры: понеже все откровеніе превыше разума.



ЧАСТЬ I.

ВѢРА.

1.

О Богѣ.

Не думай, что когда ты бываешь одинъ и отъ мятежа людскаго удаленный, что когда уходишь въ лѣсъ, или ложишся на постелѣ, будто бы ты самъ при себѣ не былъ. Будучи уединенъ, не мысли, будто бы при тебѣ ни кого другаго не было. И для того не забывай размышлять о томъ и свойствахъ того, который неотступно при тебѣ живетъ. Помни наипаче

оныя два безконечныя свойства: *премудрость* и *вѣчность*. Премудрость человѣческую душу утѣшаетъ, а вѣчность въ смятенiе приводитъ. Да и кто о вѣчности слово непогрѣшительно выговорить можетъ, или безъ восхищенiя помыслить о ней? Ночь, день, мѣсяцы, годы, весна, лѣто и проч. не есть время, но измѣренiе времени. Но какъ скоро углубляемся мыслiю въ прошедшемъ, желая узнать его начало, или когда непомѣрно отъ времени до времени перескакивая, хотимъ познать будущее, стараясь проникнуть какой предѣлъ того существа, которое мы поставляемъ безначальнымъ и безконечнымъ: такъ мы не иначе все то можемъ рѣшить, какъ только изреченi-
1. Пет. емъ С. Петра, что и самые Ангелы
1. 13. приникнуть только хотятъ, но познать не въ силахъ. Творецъ ни одну изъ тварей таковою не создалъ, чтобы она все совершенно могла объять самое себя; но самостоятельную сiю объятность оставилъ себѣ, и хотѣлъ, дабы человѣкъ познанiе свое почерпалъ отъ своего и всѣхъ тварей источника

и начала, все въ себѣ заключающаго. СЫЙ (или неизмѣнно пребывающій) Исх. 23.
есть описаніе его, Моисею преданное, краткое кажется, но краткостію своею умъ смертныхъ помрачить имѣющее, естьли бы только о томъ его вопросить дерзнули. Онъ единый токмо есть, все прочее что ни есть было или будетъ; а вѣчность никакого времени раздѣленія не знаетъ. И потому страшнаго онаго слова предопредѣленія слово, котораго простые понять не могли, и надъ изъясненіемъ котораго ученые столько трудились, нѣтъ; нѣтъ, заподлинно, ежели мы только о Богѣ право мудрствовать хотимъ. Нѣтъ того опредѣлительнаго о будущемъ состояніи нашемъ предвѣдѣнія; но есть самое кратчайшее нѣкакое воли божіей опредѣленіе, въ туже самую исполнившееся минуту, когда было опредѣлено. С. Апостолъ
Петръ съ благоговѣніемъ изрекъ: что 2. Пет.
тысяща лѣтъ предъ Богомъ, аки день 3. 8.
единъ. Ибо, ежели говорить по правиламъ Философовъ, то оныя минуты времени, которыя въ непрерывномъ

 те-

теченіи своемъ до тысячи влекутся лѣтъ, ни минуты у Бога не дѣлаютъ; что *для* насъ кажется будущимъ, то для вѣчности есть настоящее, коея все пребываніе есть не что иное, какъ неподвижная минута, минута не преходящая, не мимоидущая; безъ послѣдствія другихъ, безъ частей, безъ теченія, безъ дѣленія.

2.

О премудрости Божіей.

Другое оное свойство, при которомъ потребно оказать вѣру и благочестіе, есть Божія премудрость. Просвѣщенный человѣкъ въ ней свое блаженство обрѣтаетъ. Не жалѣетъ, что для размышленія объ ней одной воспитанъ въ наукахъ. Въ семъ случаѣ онъ мыслитъ, сколько то благополучнѣе его состояніе предъ подлыми невѣждами, и сколько обоихъ несоравнительное счастіе. И по сему одному почитаетъ, что онъ довольно и предовольно награды получилъ за свои труды въ наукахъ, какого бы роду они ни были. Все же дѣйствіе Божіей му-

мудрости состоитъ въ совершенномъ познанiи того, чего онъ не сотворилъ т. е. самаго себя. Заповѣдь, данная человѣку въ раю, состояла въ познанiи самаго себя. Сохранили бы мы безсомнѣнно блаженство свое, естьли бы познали себя. Не сомнительно, что Богъ есть во всемъ премудрый; въ томъ, что мы постигаемъ, чудесный; а въ томъ, чего мы своимъ умомъ постигнуть не можемъ, преудивительный. Взираемъ мы на Него, какъ бы чрезъ нѣкоторыя щелочки, сквозь одну только тѣнь и отсвѣчиванiе. Взоръ души нашея есть гораздо тупѣе, нежели Моисеевы очи. Онъ видѣлъ за- Исх. 33.
дняя; но мы ни съ той ни съ другой 23.
стороны божества видѣть не можемъ. Хотѣть изслѣдовать сокровенный совѣтовъ Божiихъ Лавириновъ, есть не только человѣческаго знакъ безумiя, но и въ самыхъ Ангелахъ дерзости. Какъ мы человѣки, такъ и они Ангелы, Божiи рабы, а не совѣтники. Нѣтъ Богу нужды въ размышленiяхъ и совѣтахъ: ибо дѣйствiя его не отъ долговременнаго проистекаютъ размы-

 шле-

шленія. Всякое преизящное дѣло мгновенно Онъ по своей мудрости знаетъ. Разсудокъ и избираніе, которыя въ мысли нашей суть различныя дѣйствія, въ ней есть одно и простое движеніе; какъ скоро захощетъ воля, такъ мгновенно отъ могущества Его проистекаютъ дѣйствія. Сіи умозрѣнія суть Метафизическія, въ тончайшемъ содержащіяся методѣ; познаютъ только тѣ слѣды, которые Творецъ въ тваряхъ своихъ видимыхъ и въ натуры дѣйствіяхъ начертанные оставилъ. Никакимъ опытомъ не возможно познать сихъ таинствъ глубину. Святая Святыхъ Философія не имѣетъ. Міръ сей сотворенъ животнымъ для обитанія а людямъ для созерцанія. Непреступный сей разума нашего къ Богу долгъ, который для того и исполнить должно, что не не хотѣлъ Богъ насъ сотворить простыми животными. Ежели бы сіе преимущество разума отнять, то бы все не иначе было, какъ было все прежде сотворенія міра, или прежде шестаго дня, прежде котораго не было твари, которая бы или знала

міръ,

мiрЪ, или познала творенiе. Весьма не великую славу Божiей мудрости дѢлаетЪ невѢжественная оная толпа людей, которые сЪ нѢкоторымЪ только грубымЪ и малопросвѢщеннымЪ удивленiемЪ взираютЪ на его дѢла. ТѢ ему подобающее возсылаютЪ почитанiе которые тщательно и благоразумно изслѢдовавЪ его дѢла, и рачительно познавЪ его творенiя, искренняго и благоговѢйнаго удивленiя воздаютЪ ему долгЪ.

(*) Воспряни отЪ сна о душе! и потщися узнати
Непонятныхъ судебЪ истинну и глубину,
Но подробно причины вещей не возможно поняти.
ИзЪ премногихЪ связей можноль вточь знать хоть одну?
Душу небесную кто тебѢ далЪ сопряженную сЪ тѢломЪ,
Со смиренiемЪ духомЪ того почитай.
Не устнамижь его почитать, но потщися ты дѢломЪ,
И на дѢла его благоговѢйно взирай!
Ибо познанiе вѢры безЪ житiя не полезно.
АдскимЪ жителямЪ свойственна вѢра сiя,
Хоть и во вѢки рыдать они будутЪ во ТартарѢ слезно,
Но жестокой духЪ не премѢнятЪ зло творя:

 Та-

(*) Сiи стихи суть Дактилохореическiе, который стихотворенiя родЪ очень свойственный Россiйскому языку; желательно, дабы онЪ болѣе введенЪ былЪ.

Тако о смертный! дѣла Всевышняго здѣ созерцая
Зла потщись убѣгать, мыслью горѣ восходи!
И всѣ намѣренія устремивъ ко Творцу такъ взывая:
Боже настави меня! въ мудрыхъ совѣтахъ блюди!
Даждь, чтобъ душа моя вышшихъ себя судебъ не искала!
Не прилѣплялась къ земнымъ ниже породы своей!
А возлетая на небо къ Тебѣ, съ Тобой жити желала.
Совокупиться бъ съ Тобой силой стремилася всей!
И по подобію медъ собирая здѣсь маленькой пчелки,
По трудахъ Тебѣ сладостны пѣсни воспѣть!
И когда тѣло мое превратитъ во пылинки смерть мѣлки.
Даждь во Твоей мнѣ хвалѣ вѣчный покой возымѣть.

Сіе то почти одно есть, въ чемъ смиренномудрая тварь можетъ нѣсколько возблагодарить Творцу своему. Ибо, ежели тотъ цѣлъ, сохраненъ будетъ, кто речетъ Господи! Господи! и сотворитъ волю Отца небеснаго, то поистиннѣ, и самое хотѣніе наше вмѣсто благихъ послужитъ дѣлъ, и намѣреніе къ дѣланію замѣнитъ самыя дѣла. Иначе все, что мы здѣсь отъ набожности и усердія ни предпринимали, принесетъ при смерти одно только смущеніе, и причинитъ, что мы болѣе будемъ бояться, нежели уповати воскресенія.

3.
О премудрости Божіей въ твореніяхъ.

Основательная или первенствующая причина всѣхъ вещей есть одна; вторичныхъ четыре. Иныя не имѣютъ начала, какъ Богъ; иныя не имѣютъ вещества, какъ Ангелы; иныя формы, какъ неустроенная первая оная матерія. Но нѣтъ ни одной вещи, которая бы не имѣла по существу своему предложеннаго нѣкоего для дѣйствій своихъ конца. Сей то конецъ въ дѣлахъ естества должно находить, которой зависитъ отъ Божіяго провидѣнія. Прекраснѣйшій сей міра и всѣхъ твореній составъ сотворить и устроить, есть дѣло рукъ Божіихъ; но различнымъ онымъ дѣйствіямъ и для каждой вещи своимъ законамъ произойти долженствовало изъ сокровищъ Его премудрости. Затмѣнія солнца и луны съ принадлежащими къ тому своими причинами, обстоятельствами и послѣдствіемъ представляютъ созерцанію нашему почти

божественный предметЪ. Но ежели ты вЪ сiи обстоятельства вникнешь подробнѣе, и потщишся изслѣдовать причины, для чего ихЪ движенiя вЪ наипространнѣйшемЪ семЪ округѣ мiра такЪ расположило Божiе провидѣнiе, что одно у другаго не отнимаетЪ свѣта: то поистиннѣ сладостнѣе будешь разсуждать, набожнѣе Философствовать. ИзЪ чего проистекаетЪ, что вЪ нѣкоторыхЪ случаяхЪ большимЪ БогословомЪ покажется (*) ГаленЪ вЪ писанiяхЪ своихЪ о употребленiи частей, нежели другой кто вЪ Метафизикѣ. Естьли бы сколько вЪ чемЪ другомЪ, столько и вЪ семЪ дѣлѣ употребилЪ труда Аристотель, не оставилЪ бы онЪ неоконченною свою Философiю, а оставилЪ бы книгу полезную и для Богословiи.

Натура ничего напрасно не производитЪ; изЪ всѣхЪ Философскихъ утвержденiй, это неоспоримо, что не тщетнымЪ нѣкоторымЪ украшенiемЪ устлано сiе вещей естество, нѣтЪ вЪ немЪ

(*) Славнѣйшiй врачебной науки основатель.

немъ ничего напраснаго. Въ твореніяхъ меньшаго совершенства, которыя гдѣ только солнце дѣйствіе свое имѣетъ, изъ которыхъ сѣменъ, въ нѣдрахъ естества сокрывающихся раждаются. Во всѣхъ, говорю, сихъ десница Его премудрости созерцается. Изъ сего-то почерпнулъ удивленіе свое Соломонъ. И ежели поистиннѣ признаться, кто и каковъ бы былъ, кого бы пчелы, муравьи и пауки не увѣрили въ мудрости Божіей. Какое искусство рукъ ихъ всему тому научаетъ, чему насъ и разумъ научить не можетъ? Киты, Слоны, Верблюды и другіе ихъ роды чудесное натуры произведеніе, которымъ малопросвѣщенная толпа че́рни попремногу удивляется, суть, можно сказать, Колоссы натуры и величественныя Его десницы дѣла; но больше разума и искусства содержатъ въ себѣ сіи маленькіе составы, превосходнѣе и изящнѣе Творца своего премудрость показующіе, въ малѣйшемъ ихъ правленіи общества. Кто бы не подивился паче маленькой мушечкѣ, нежели искус-

ствомъ

ствомъ сдѣланному оному (при Кесарѣ Максимиліанѣ) Орлу, которой двѣ версты летать могъ, или такожде летающему Аттилемъ сдѣланному голубю, или Албертовой говорящей головѣ; мушечкѣ, говорю, коея дѣйствія въ малѣйшемъ тѣлѣ несравненно превосходнѣе, нежели тѣхъ въ обрубкахъ дерева. Приливъ и отливъ моря, ежегодный оный Египетскій Нила потопъ, Компасной стрѣлки къ Сѣверу обращеніе и въ созерцаніи другихъ общихъ чудесъ естества, Философъ не будучи доволенъ, часто оныя стараетсся сопрягать съ ежедневнымъ естества искусствомъ и въ самомъ себѣ дѣлаетъ космографію или познаніе міра. Внутрь насъ чудеса, которыхъ мы извнѣ ищемъ. Цѣлую Африку со всѣми ея чудовищами въ себѣ самихъ содержимъ. Мы сами есмы оное преужасное натуры дѣло, которое, ежели кто тщательно изучитъ, тотъ съ благоразуміемъ въ краткости пріобрѣтетъ все то, что другіе въ превеликой и разбросанной книгѣ не безъ великаго труда получаютъ.

4.

О естествѣ и Богословіи естественной.

Итакъ двѣ книги такихъ, изъ которыхъ Богословіи научаемся. Одна писанная самаго Господа; а другая рабы его натуры. Всеобщественное т. е. оное и повсемственное рукописаніе съ разгнутыми *листами* всѣхъ очамъ предложенное. Кто первую книгу не читалъ особенно: тотъ могъ ея видѣть въ другой. Въ семъ писаніи издревле состояла и самая Богословія язычниковъ. Заподлинно въ искусствѣ сея таинственныя учености превосходны были язычники; знали они какъ темныя оныя буквы соединять и читать. Мы на сіи общія Гіероглифики съ нерадѣніемъ взираемъ, презирая Богословію, изъ самыхъ цвѣтовъ естества соплетенную. Однакоже мы сіе говоря, не должны позабыть Бога, излишне почитая вещей натуру, которую не какъ Аристотель началомъ движенія и неподвижности назвалъ, но назвать должно прямою оною и регулярною 2. кн. Физ. в.

ли-

линiею, не подвижный оный и одинаковый порядокъ творенiй въ дѣйствiяхъ, по сразмѣру всякой вещи естества Божiею премудростiю предписанный. Въ томъ состоитъ свойство солнца, дабы каждый день имѣть свое обращенiе. Ибо сiе теченiе есть для него необходимо нужно и самымъ Богомъ уставленное, въ которомъ никогда и ни какъ погрѣшить не можетъ; а силу сея невозможности всесильное оное
Быт: гл. 1. произвело одно слово, которое влiяло ему сiе первое движенiе. Но определенное сiе натуры теченiе Богъ не хощетъ перемѣнить или помѣшать: но яко искуснѣйшiй художникъ столько по всему совершеннымъ здѣлалъ свое дѣло, что при употребленiи тѣхъ же вещей, сокровеннѣйшiе свои совѣты безъ всякаго новаго творенiя удобно производитъ.
Исх. гл. 17. 6. Такъ онъ деревяннымъ жезломъ отнимаетъ горесть воды; такъ сохраняетъ онъ въ ковчегѣ животныхъ,
Быт. гл. 23. хотя бы оныя же всѣ твари духомъ устъ своихъ мгновенно сотворити могъ. Въ семъ случаѣ подобится Геометру, который, когда бы прямую

линiю

линію просто однимъ обводомъ циркула начертить, или раздѣлить могъ, дѣлаетъ однако же сіе по своимъ правиламъ и наукѣ. И такъ дѣла естественныя суть дѣла самаго Бога, котораго они какъ бы руки и орудіе; и потому дѣйствія его орудію приписывать, есть не что иное, какъ честь дѣйствопроизводнаго нача́ла на орудіе переносить: это бы не что иное было, какъ сказать, что молотки состроили наши покои, что честь сочиненій нашихъ должно приписывать перу. Всеобщая лѣпота разливается по всѣмъ Божіимъ дѣламъ, и потому нѣтъ ни одного рода творенія, которое бы имѣло въ себѣ нелѣпости. Не понятно, сходно *ли* съ *Логикою*, чтобы или жаба, или медвѣдь или слонъ безобразными назваться могли: ибо они по внѣшнему виду и фигурѣ такъ сотворены, какъ внутреннее расположеніе съ ихъ дѣйствіями лучшимъ образомъ сходствовать могло. Все, что ни есть, подлежало всеобщему разсмотренію Бога, который видѣлъ, что вся, яже сотвори, зѣло добра, т. е. съ волею его Быт. гл. I.

схо-

сходно все такъ, что отъ безобразія весьма отдалено: ибо въ томъ состоитъ всего порядка и красоты правило. Одни чудовища должно безобразными назвать, хотя и сіи такожде нѣкоторую красоту получаютъ, когда случается, что и по свойству разума и по искусству безобразныя оныя части такъ расположены, что иногда больше привлекаютъ зрѣнія, нежели настоящее ихъ устройство. Кратче сказать,
Быт. гл. 1. что кромѣ единой оной неустроенной матеріи, ничто и никогда безобразнымъ не раждалось; да и въ той самой безобразія и нелѣпости не было, потому что и образа никакого не было. Натура однако же съ искусствомъ, и искусство съ натурой не несходственны: ибо и то и другое суть промысла служительницы. Искусство есть совершенство натуры; ежели бы нынѣ въ такомъ же состояніи міръ былъ, въ
Быт. гл. 2. какомъ былъ въ шестый день, когда еще не было дождей, а слѣдовательно теплоты, прохлады и проч: то бы все въ мірѣ была оная неустроенная матерія. Все въ натурѣ есть художествен-

ственное и искусствомъ сдѣланное, ибо натура есть искусство Божіе.

5.

О промыслѣ Божіемъ.

Сія есть извѣстная и проложенная провидѣнія Божіяго тропа, которую открываютъ науки и тщаніе. Послѣдствія ея безъ прорицалища предсказывать можно; но есть нѣкоторая другая рѣчными (*) Меандровыми закоулками и (**) *Лавиринѳическими* излучинами запутанная стезя, о которой ниже демонамъ, ниже какимъ либо духамъ извѣстныя доходятъ вѣдомости. А состоитъ она въ сокровенномъ ономъ и темномъ особенномъ провидѣнія способѣ, по которому каждой вещи дѣйствія учреждаются. Мы его называемъ *фортуною*, *случаемъ*, или *судьбою*; искривленную оную и перепутанную дорогу, по которой она обыкновенно

(*) Рѣка большая въ Азіи излучинами текущая.

(**) Лавиринѳомъ назывались въ Египтѣ сдѣланные подземельные покои съ премногими закоулками.

всѣ свои дѣйствія ведетъ, и которую скрытнѣйшимъ образомъ приводить учредила. Потаенному сему и сокровеннѣйшему способу не льзя всегда не удивляться. Ибо сколь часто мы ни воспоминаемъ миновавшія насъ бѣдствія, или воспоминаемъ случайныя дѣлъ встрѣчи, вспоминая жизни нашей записки и печальныя приключенія: тогда одному провидѣнію благодарить должно, а не планетамъ, подъ которыми мы родились. Что Овенъ запутался рогами въ лѣсу, кажется, могъ то
Быт.22. приписать Авраамъ нѣкоторому слу-
13. чаю; что Моисей, заключенный въ ков-
Исх. 2. чежецъ, приплылъ предъ очи дщери Фараоновой, человѣческій разумъ приписалъ бы то также случаю. Но сколько и какихъ Ливириноовъ заключаетъ
Быт. гл. въ себѣ исторія о Іосифѣ, который
37. и самаго Стоика могъ бы отъ своего мнѣнія поколебать. Есть безъ сомнѣнія нѣкоторыя огорченія и свои всякому въ жизни встрѣчающіяся медленности, которыя хотя съ перваго взгляду и кажутся слѣпымъ счастіемъ; но ежели внятнѣе въ нихъ взойти, то за-

под-

подлинно найдется, что отъ десницы проистекаютъ они Божїей; счастливыя и несчастливыя приключенїя, побѣды или непобѣды, и не отъ вѣтровъ погоды, или мѣстоположенїя раждаются. Но когда приходятъ нечаянные случаи, то надобно, чтобы происходили они отъ высочайшей нѣкоторой власти, которая никакимъ человѣческимъ законамъ не подлежитъ, коей подобно какъ на оной у Данїила поминаемой стѣнѣ видимъ пишущую руку, но невидимъ какъ и откуда она движется. Разпространенїе малѣйшей оной Голландской республики, (о которой Турецкой Султанъ отзываясь, гордо говорилъ: что ежели бы ему Голландїя столько скуки навела, сколько Испанцамъ; то бы онъ лопатами приказалъ ея въ море спихнуть) не разуму или тщанїю приписать должно народа, но Божїей благости, которая влїяла въ нихъ столь рачительный духъ; или промыслу, который каждой странѣ и области по своему изволенїю благодѣянїя раздаетъ, опредѣленныя на свое время. Вдругъ всѣмъ нельзя быть гл. 5.

счастливымЪ. Ибо поелику слава Всевышняго зависитЪ отЪ упадка Имперій, изЪ которыхЪ каждая своего величества и пространства перемѣну имѣть должна, и повиноваться обращенію того колеса, которое не отЪ умовЪ, но отЪ всесильной десницы движется, которая всѣмЪ царствамЪ поставляетЪ вѣрное средоточіе, по которому установленной себѣ округЪ неотмѣнно преходить долженствуютЪ. Ибо всѣхЪ не только людей и обществЪ и государствЪ; но цѣлаго міра вѣки, какЪ чрезЪ окружіе прешедши и кЪ своему меридіану достигши, на послѣдокЪ упадши, подниматься начинаютЪ и вЪ безславіи паки подЪ горизонтомЪ закрываются.

6.

О промыслѣ и счастіи.

И такЪ сіи дѣйствія не должно называть дѣйствіемЪ счастія, слово сіе родилось отЪ незнанія, которое по неразсудству самой промыслЪ Божій нарекло счастіемЪ, или фортуною. Ибо ни

ни одной изъ причинъ не дано воли случайно, или непорядочно чтонибудь производить; да и никакое всеобщее въ натурѣ дѣйствіе быть не можетъ безъ повелѣнія высочайшаго онаго существа. И въ самыхъ играхъ, и во всемъ томъ, что кажется подвержено слѣпому счастію, есть сихъ случаевъ извѣстный нѣкій и ограниченный порядокъ. Мы сами слѣпы, а не фортуна, которой нѣтъ. Ибо гораздо тупѣе взоръ нашихъ очей, нежели чтобы таинство промышленія могли познать. Мы будучи глупы, тщетно изображаемъ на картинахъ ея слѣпою, и всесильнаго Существа промыслу закрываемъ очи. Ругательныхъ оныхъ Піитическихъ нареканій, по которымъ зовутъ фортуну безстыдною, безчестною и проч. не только принять нельзя, но ниже тѣмъ мнѣніямъ потворствовать можно, по которымъ съ одной стороны говорятъ: будто счастье глупымъ болѣе служитъ; а съ другой: что Философъ есть превыше счастія. Такъ подлинно уставлено естествомъ, что тѣ, которые другихъ превышаютъ

 ра-

разумомъ и дарованіями, не имѣютъ того счастія, какое случается глупымъ. Правда, что разумнѣйшие и въ святое правленіе естества вникающіе, не приходятъ отъ того въ разслабленіе духа. Ибо высочайшими и превосходнѣйшими украшаясь дарованіями, о низкомъ семъ счастія жребіи меньше зоботятся. Тотъ неблагодаренъ, кто всѣхъ всемогущаго благодѣяній себѣ одному желаетъ, и не довольствуясь богатствомъ душевнымъ, требуетъ всѣхъ преимуществъ для тѣла и внѣшняго состоянія. И тѣхъ больше, нежели еретиками, почесть должно, которые взирая токмо на препоны въ счастіи, о томъ просвѣщеніи, которое существенно составляетъ благополучіе наше, и чѣмъ мы подобимся творцу своему, мало думаютъ. Что промыслъ дѣлаетъ глупымъ снисхожденіе, то довольно уступить можно. Великое изъ сего о Божіемъ правосудіи можно взять доказательство. Ибо поступаетъ съ нами Богъ также, какъ и естественные родители, т. е. тѣхъ, которые другихъ братьевъ своихъ превосход-

восходнѣе душею и тѣломъ, оставляетъ на собственное ихъ попеченіе; а которые малоумнѣе, тѣмъ большую даетъ въ наслѣдствѣ долю, и недостатокъ внутренняго богатства дополняетъ внѣшнимъ. И такъ не для чего намъ сердиться на натуру, что или произвела насъ нагими, и не для чего завидовать животнымъ, которыхъ она снабдила рогами, когтями и шерстью; понеже имѣемъ мы разумъ, которой все преизбыточно награждаетъ. Нѣтъ нужды въ томъ, чтобы съ такими затѣями находить доказательства къ опроверженію Астрологическихъ гаданій. Ибо ежели есть въ Астрологіи что истиннаго, то Богословіи непротивно; родился ли кто подъ планетою Меркурія, вливающею разумъ, или подъ Юпитеромъ, дающимъ богатство. Но ни тому, ни другому чести относить не должно; но все надобно приписывать всещедрой десницѣ, которая благоволила неизвѣстное и сомнительное рожденіе мое отнести къ симъ благопріятствующимъ свѣтиламъ. Тѣ, которые думали,

мали, что все управляется счастіемъ, въ томъ только и погрѣшили, что на томъ мнѣніи остановились. Римляне, созидая фортунѣ храмъ, имѣли притомъ нѣкоторую набожность. Ибо кто входитъ въ точное познаніе вещей, тотъ отъ Всемогущаго всѣ дѣла̀ начинаетъ и въ немъ оканчиваетъ: ибо хотя отъ ближайшихъ причинъ имена свои получаютъ дѣйствія; но извѣстная и истинная всему причина есть Богъ, коего содѣйствіе хотя есть и всеобщее, но на каждыя частныхъ вещей дѣйствія разливаются: ибо она есть не иное что, какъ духъ оный, коего одного благодѣяніемъ всякое и частное существо не только стоитъ, но и дѣйствуетъ.

7.

Безбожія причины.

Многихъ людей вѣра преобратилась въ безбожіе, когда двѣ сіи вторичныя причины, съ нечестіемъ и безразсудно растолковали, которые по-

позабывъ спасительныя вѣры увѣщанія, къ заговору страстей и разума простерли слухъ. И потому то всячески стараться должно, дабы сіи враждебныя и опасныя разума и страстей съ вѣрою ссоры, какъ можно, прекращать. Три сіи въ душѣ нашей восхищаютъ господство, и не меньше спокойствію ея и тишинѣ наносятъ вреда, какъ нѣкогда (*) тремужіе оное Республикѣ Римской; разумъ поборствуетъ на вѣру, а страсти на разумъ: что уставляетъ разумъ, тому противятся страсти; но разумъ не соглашается ни съ вѣрою, ни со страстьми. А ежели бы только прямое и истинное благоразуміе употребить, то бы все можно такъ согласить, что всѣ будутъ совокупно господствовать, и одну Монархію составятъ, ежели только всякое изъ нихъ сохранитъ свое право и честь, наблюдая приличное время и мѣсто. Какъ философія, такъ и Богословія имѣетъ нѣкоторыя затрудненія и

 упор-

(*) См. исторію Флора кн. 4. б.

упорныя возраженія, въ которыхъ запутываясь, узнаемъ безуспѣшность нашего познанія. Сей слабости родъ каждый изъ просвѣщенныхъ по премногу узнавая, не силою и оружіемъ, но колѣнопреклоненіемъ преодолѣвать долженъ. Такъ поврежденный разумъ, изящнѣйшія науки преобративъ хитростно въ свое зло, въ тоже самое время старается опровергнуть вѣру, когда стараемся мы пріумножить науки.

8.

Безбожниковъ въ свѣтѣ нѣтъ.

Всѣ однакожъ такія сомнѣнія никогда не въ силахъ привести мужа просвѣщеннаго къ невѣрію, или оплакиванія достойному безбожниковъ ученію. Заподлинно сказать можно, что безбожниковъ никогда и не было. Тѣ вѣроятно говорятъ, и защитить съ нѣкоторымъ доказательствомъ могутъ, которые утверждаютъ, что люди различаются отъ прочихъ животныхъ вѣ-

рою. Ученіе (*) Епикурово, по которому онъ промыслъ Божій опровергалъ, проистекло изъ высочайшаго и величественнаго понятія о Богѣ; за недостойное почелъ онъ, чтобы великій Создатель имѣлъ попеченіе о нижайшихъ сихъ и самыхъ малѣйшихъ вещей дѣйствіяхъ. Случайный (**) Стоиковъ рокъ былъ не иное что, какъ непремѣняемый воли Божія законъ. Есть заподлинно во всякомъ государствѣ свой (***) Махіавели; есть во всякомъ вѣкѣ свой (****) Лукіяны. Имѣющіе зрѣлый умъ не захотятъ приступить къ тому, о чемъ ниже простые люди слышать должны; кроется тутъ діявольская риторика, которая преобращаетъ или легкомысленныя, или суевѣрныя души.

9.

(*) См. Цицер: о натурѣ боговъ.

(**) См. Цицер: о натурѣ боговъ.

(***) Писалъ о Государѣ книгу, что долженъ охранять себя праведно и неправедно.

(****) Лукіянъ Самосатскій сатирикъ и насмѣшникъ вѣръ.

9.

Любопытство въ божественныхъ дѣлахъ опасно.

Все это читая, благоразумный мужъ не найдетъ ничего таковаго, чтобы могло опровергнуть вѣру. Были нѣкоторые Доктора, которые для того только не вѣрили безсмертію души, понеже Галенъ не вѣрилъ. Одинъ Богословъ, и мужъ немалаго ума тремя только строчками (*) Сенека былъ столько въ мысляхъ запутанъ, что никакими доказательствами ни Философскими, ни Богословскими заблужденія онаго ядъ истребить не могъ. Есть нѣкоторый родъ людей, которые всѣмъ расказамъ глупыхъ побродягъ повѣривъ, о свидѣтель-

---

(*) Сен. въ Трагедіи дѣйст. 2. гл. 19 говоритъ такъ: *послѣ смерти нѣтъ ничего. Да и самая смерть есть ничто. Смерть умирающаго разрушаетъ тѣло. А душа ничего не страждетъ; умираемъ мы цѣлымъ составомъ, и ни одна наша не останется частица.*

тельствѣ С. Ап. Павла сомнѣваются, и защищая сильнымъ образомъ Плиніевы, или Еліановы преданія объ Исторіяхъ св. писанія сомнѣваются, и только то за вѣроятное почитаютъ, что похожѣе на правду найдутъ у языческихъ Писателей. Все возможнымъ покажется, ежели только помыслимъ, что начерталъ оное Всемогущаго перстъ. Быть не можетъ, чтобы какъ въ человѣческомъ писаніи, такъ и въ истинномъ словѣ Божіемъ какія нибудь намъ не представились видимыя несходства, противорѣчія, несправедливости именъ проч. Что только такъ по слабости ума нашего намъ кажется. въ Богословіи равно какъ и въ Философіи есть великое число возраженій, которыя предлагать или защищать не только надобно, жалѣя и съ потеряніемъ времени; но всѣ они достойны того, дабы сплести въ одну книгу и вмѣстѣ сожечь съ Тартаретовою, который писалъ о способѣ, какъ испражняться.

Сей родъ тонкостей всѣмъ за недостойный почитать должно, которые

рые углубляются въ таинствахъ высокихъ. Нерѣдко представляются и другія, которыя ни затрудненія, ни невозможности вѣрѣ не наносятъ. Смѣшно принять Ноевъ за (*) Девкаліоновъ потопъ, и частной почесть за всеобщій. Что былъ потопъ, это не столько удивительно, сколько то, для чего нѣтъ всегда потопа. Есть еще другая сокровенность, почерпнутая не изъ Св. писанія, которая ученѣйшаго онаго С. от. Августина (**) понудила взять прибѣжище къ чудотворенію. А именно: какъ это здѣлалось, что отдѣленныя части земли, и отдаленные острова не только людьми, но тиграми, медвѣдями и проч. населены? Откуда взялось такое множество въ Америкѣ хищныхъ звѣрей, а нѣтъ лошадей, толь полезнаго для человѣка животнаго? Какъ тамъ очутились, не только

(*) Девкаліонъ былъ Греческій Царь, при которомъ большая часть Греціи потоплена.

(**) Онъ говорилъ, что звѣри или переплыли или людьми перевезены, или тамъ изъ земли родились.

ко птицы, но и вредныя животныя? Какъ это здѣлалось, что есть тамъ животныхъ роды, которыхъ во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта нѣтъ? Какимъ образомъ отъ одного ковчега, и отъ одной Араратской горы разсѣялись животныя по всему свѣту? Нѣкоторые желая избавиться затрудненія поставляютъ, что потопъ, былъ частный, хотя сего сказать и не льзя; поелику противно Св. писанію и разуму: ибо во времена Ноевы міръ столько же многолюденъ былъ, какъ и нынѣ, и вѣроятно, что по тогдашнему времени въ 1500 лѣтъ не меньше народилось людей, сколько послѣ въ 5000 лѣтъ. Обо всемъ этомъ, что до догматовъ не касается, свободно спорить можно. Есть много выведено изъ Св. писанія доводовъ, но иногда выведенныхъ и не хорошо.

10.

О Священномъ писаніи.

Довольно людскихъ ложныхъ на слово Божіе умствованій. Священное писаніе есть заподлинно слово Божіе; но

но естьлибы и человѣческимъ почесть; то, поелику изъ всѣхъ, какія были и есть, писаній, совершеннѣе, не льзя его не читать, хотя бы кто и язычникъ былъ. И потому то Птоломеево намѣреніе было похвально, который Библіотеку свою до тѣхъ поръ несовершенною почиталъ, доколѣ Библіи въ ней не было. Турецкой Алкоранъ (безъ пристрастія сказать) есть книга зβродная, разбросанная, преисполненная лжи, нелѣпостей, невозможностей, и противныхъ Философіи погрѣшностей, весьма смѣшныхъ, явныхъ софизмовъ, коей важность введенная по невѣжеству правительства, уваженная истребленіемъ училищъ и всякаго просвѣщенія, однимъ оружіемъ и насиліемъ утвержденная. Но Св. писаніе разсѣялось по всему свѣту безъ оружія. Примѣчанія не недостойно, что Моисеевъ законъ пребывалъ не премѣненъ чрезъ 2000 лѣтъ, а прочихъ государствъ права по обстоятельствамъ временъ перемѣнялись: въ томъ числѣ искоренились и тѣ, кои почитались отъ боговъ проистекшими, какъ

на

на пр. Ликурговы: и искоренились такъ, что ниже слѣдовъ не видно. Кромѣ Зороастра были писатели прежде Моисея и другіе, которыхъ всѣхъ неминуемый рокъ постигъ. Есть заподлинно свой особенной какъ сочинителямъ, такъ и сочиненіямъ вѣкъ. А хотя сочиненія и остаются послѣ сочинителей, но они имѣютъ свой опредѣленный жизни періодъ. Одно сочиненіе слова Божія не можетъ истребить время, все пожирающее, котораго тогда не станетъ, когда всеобщее пламя всѣ вещи преобратитъ во свой прахъ.

Есть много людей, которые погибшія Цицероновы сочиненія (*) и сожженную Александрійскую Библіотеку (состоящую изъ 700000 рукописныхъ книгъ) не мало оплакиваютъ; но, ежели правду сказать, книги гораздо больше умножились, нежели сколько бы ихъ надобно; и великодушно можно бы смотрѣть на пепелъ всей Ватиканской Библіотеки (**), ежели бы только можно

 было

(*) А паче о республикѣ.

(**) Въ Римѣ изъ премногихъ состоящей книгъ.

было возвратить потерянныя нѣкоторыя (*) Соломоновы писанія. Хорошо бы выписать и Еноховы столпы, естьлибы только не походило на баснь то, что объ нихъ (**) Іосифъ пишетъ. Другіе больше написали, нежели что иные чрезъ цѣлой вѣкъ проговорили. Одинъ писатель Пинеда въ небольшомъ сочиненіи своемъ (о единовластіи церковномъ) 1400 приводитъ писателей. Изъ числа трехъ оныхъ Германіи изобрѣтеній (т. е. (***) типографіи (****), пороха и часовъ), два первыя едва ли не больше для смертныхъ причиняютъ вреда, нежели пользы. Премногихъ просвѣщенныхъ людей есть желаніе сдѣлать еще Вселенскій Соборъ не такой, гдѣ бы разсуждать о спорахъ, касающихся до вѣры; но о томъ, какъ бы сдѣлать лучшее

(*) См. 3. Цар. 4. 32. и Іосифа въ к. 8. древ. гл. 2. писанія о гаданіяхъ.

(**) Książ. Книг. 1. древ. гл. 3.

(***) Типографію изобрѣлъ Гуттембергъ, или, какъ другіе думаютъ, Фаветъ.

(****) Порохъ нашелъ монахъ, коего имя неизвѣстно.

средство къ преуспѣванію въ наукахъ, и кратчайшій способъ къ достиженію чрезъ избраннѣйшихъ и не многихъ писателей прямаго просвѣщенія; какъ бы прекратить несчетное множество школьныхъ затѣй; не только ничего не стоящихъ, но смущающихъ только юношей умы, и потворствующихъ обманамъ книгопродавцевъ.

11.

Бываютъ ли нынѣ чудеса.

Чтобъ не было и нынѣ чудотвореній, сего ни утвердить, ни опровергнуть не можно; а кольми паче не можно опредѣлить времени, когда оныя престали. Были они при Христѣ и Апостолахъ, были еще и при обращеніи язычниковъ. И сея истинны по всѣмъ С. Писанія и другимъ свидѣтельствамъ опровергнуть не можно. И такъ сколько нибудь имѣютъ истинны тѣ чудотворенія, которыми Езуиты хвастаютъ въ Индіи; и можно

бы заподлинно повѣрить, естьлибы только имѣли они и еще какое увѣренiе, кромѣ ихъ собственнаго извѣстiя. Но сему лучше могутъ повѣрить тѣ, которые ежедневно чудотворенiе въ пресуществленiи т. е. хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову видятъ. Превращеннуюжъ въ Канѣ воду въ вино, ниже чудомъ въ сравненiи сего назвать не можно. Хотя и нѣтъ изъ чудесъ, ежели по точности разобрать, одного больше, а другаго меньше; поколику всѣ оныя не обычайно произтекаютъ отъ всемогущiя Божiя десницы, которая не иначе производитъ оныя, какъ цѣлый мiръ, или единую какую тварь. Весьма тѣсные тотъ полагаетъ всемогуществу Божiю предѣлы, кто окружностiю только мыслей своихъ оную измѣряетъ. Богъ все можетъ, но не дѣлаетъ того, что въ себѣ противорѣчiе содержитъ. Ибо, разбирая по тонкости: всемогущество его тоже есть, что и его воля, и какъ то, такъ и другое съ прочими Божiими свойствами составляютъ единаго Бога.

Но

Но нѣтъ ничего удивительнѣе, какъ сего, что любопытнѣйшіе ученые мужи неоспоримое оное чудо молчаніемъ прошли, или очень мало объ немъ говорили, т. е. для чего престали и умолкли прорицарища? И для чего ученые, какъ будто обезумѣвъ, остановились на однихъ пустыхъ только резонахъ Плутарха, которой то древности мѣста, то уничтоженію подземельныхъ паровъ оное умолчаніе приписываетъ. Да и самъ діаволъ признался въ отвѣтѣ (*) ономъ, данномъ вопрошающу о умолчаніи его Августу. Не можно ни какъ похвалить тѣхъ любопытство, которые истинну С. Писанія доказываютъ согласіемъ свѣтскихъ писателей, которые книгу Есѳирь изъ (**) Мегасѳена или (***) Ге-

(*) Онъ былъ слѣдующей:
Me puer Haebreus, divos Deus ipſe gubernans
cedere ſede iubet, triſtemque redire ſub orcum, et cet.

(**) Писатель Индійскихъ дѣлъ, на коего часто ссылается Плиній, Страбонъ и проч.

(***) Котораго Цицеронъ вралемъ зоветъ въ книгѣ 1. о зак.

родота не ложною быть показываютЪ. И когда (ученые) точнѣе начали познавать истинну и притворныя оныя маски, вЪ которыхЪ писатели выводятЪ дѣла прошедшія на свѣтЪ, открыли; тогда не больше стали вѣрить прошедшимЪ, какЪ и будущимЪ. По сей то причинѣ благоразумно нѣкоторые дѣлали, что сами написали свою жизнь. ОднакожЪ всѣхЪ превзошелЪ Моисей, которой не только о своей жизни, но, какЪ нѣкоторые думаютЪ, и о смерти своей написалЪ исторію.

12.

О духахЪ.

Еще удивительнѣе кажется, что всѣ исторіи о прорицалищахЪ не вывели (*) нѣкоторыхЪ изЪ сомнѣнія о бытіи духовЪ благихЪ и злыхЪ. Тако-

(*) Саддукеи быт. 28. 8. а что они есть, то не только С. Писаніе доказываетЪ но и свѣтскіе писатели, люди умные. Чудовище видѣлЪ БрутЪ, описывали Апулей, Светоній, Пліній и премногіе другіе.

ковые позабывъ метафизическія слѣдствія, и отнявъ лѣствицу вещей сотворенныхъ, изъ которыхъ первая степень тѣлесныхъ, вторая тѣлесныхъ купно и душевныхъ, а третія духовныхъ, сомнѣваются о бытіи духовъ. Есть родъ волшебства, которой могутъ знать люди безъ совѣта дьявольскаго. Могутъ знать особенно огненныя оныя явленія, испытуя таинства натуры. Ибо тѣже основанія имѣютъ въ нихъ и люди, какія духи; т. е. сопрягая вещи дѣйствительныя со страдательными, открываютъ ихъ дѣйствія. И лучшая часть Философіи съ первыхъ временъ состояла въ волшебствѣ, которое по распространеніи названо Философіею, и состояла не въ иномъ чемъ, какъ въ дѣйствіяхъ натуры. И такъ что найдено людьми, то называется Философіею; а что дьяволомъ, то волшебствомъ. И не сомнительно, что многія таинства натуры приняли мы отъ (*)благихъ и (**) злыхъ ангеловъ.

(*) Тов. 6. 6.
(**) См. *Порфирія* кн. 2.

можно думать, что не мало таинствъ открыто намъ чрезъ Ангеловъ, которыхъ изобрѣтенiе мы приписываемъ своему разуму. Небесные оные жители любятъ и доброхотствуютъ намъ, яко подобное имъ существо духа имѣющимъ. Посему то Ангеловъ съ нами дружеству были многiя чудеса и явленiя иногда государствъ, иногда Государей, а иногда приватныхъ людей погибель и (*) перемѣны предрекающихъ, что все малосмысленный народъ приписываетъ слѣпому случаю, или судьбѣ.

13.

О естествѣ духовъ.

И такъ не трудно повѣрить, что для всякаго (**) государства и для всякаго человѣка есть особенный Ангелъ храни-

(*) См. *Вал. Макс.* кн. 1. гл. 6. Махiав. разс. 1. 1. Тит. *Ливiя* гл. 50. проч.

(**) Сiе выводится изъ Пророка Данiила, которой упоминаетъ о Персидскихъ ангелахъ.

хранитель; а ежели сего не допустить, то надобно будетъ и бытiе духовъ опровергнуть. Ученiе объ Ангелахъ хранителяхъ не одна только церковь содержитъ, но томуже научали (*) Пифагоръ и Платонъ. И такъ допустить, что есть Ангелы хранители, не только не противно, но много еще поможетъ къ рѣшенiю Философскихъ сомнѣнiй и трудностей; но ежели бы кто по Метафизикѣ спросилъ, чтожъ они за существо такое? То бы отвѣчать должно также, какъ и о Богѣ (**) отрицательно, т. е. больше увѣрять, чего въ существѣ ихъ нѣтъ, или, сравнивая ихъ съ собою, узнавать, чѣмъ они предъ нами лучше. Ибо въ составѣ цѣлаго мiра есть явная нѣкая устроенная лѣствица, въ которой не

(*) См. Прокла о душѣ и демонахъ.

(**) Мы о Богѣ больше говоримъ отрицательно, нежели подтвердительно. Ибо не знаемъ его существа, а знаемъ чего въ немъ нѣтъ на пр. Богъ не умираетъ, убо безсмертенъ, непремѣняется, убо непремѣнный. проч. С. Дамаск. о вѣрѣ.

только нѣтъ не порядка, но сразмѣрная во всемъ пропорція и прекраснѣйшее положеніе. Между тѣмъ твореніемъ, которое имѣетъ одно только бытіе, и между жизненнымъ растѣніемъ какое различіе! Растѣнія и твари чувствомъ одаренныя еще больше различаются. Животныя чувствомъ одаренныя и человѣкъ, разумную имѣющій душу, еще и больше не равны между собою. Но въ сравненіи Ангела съ человѣкомъ и еще большее есть различіе. Натуры Ангельской тѣ не понимаютъ, которые различіе ихъ съ человѣкомъ полагаютъ въ безсмертіи. Ибо и человѣкъ прежде паденія безсмертенъ былъ, однакожъ и тогда премного съ ними былъ не сходенъ. И поелику мы не знаемъ, какъ точно объ нихъ утвердить, то не худо въ семъ случаѣ принять школьной методъ, по которому можно имъ приписать все то съ гораздо большимъ блескомъ совершенства, что въ насъ по нѣсколъку только виднымъ и совершеннымъ быть кажется. Имѣютъ они понятіе, но весема скорое, и что мы долговремен-

менным размышленіемъ познаемъ, то они однимъ бѣгомъ ума; что мы по случайностямъ, или описанію свойствъ, то они на самой вещи и опредѣлительно; и что мы только съ вѣроятностію, то они совершенно и заключительно познаютъ. Какъ наша душа имѣетъ силу приводить въ движеніе тѣло; такъ и они имѣютъ силу двигать тѣла, не будучи сопрягаемы, какъ душа, съ тѣломъ. Мы привязаны ко времени, мѣсту и разстоянію, но невидимая оная рука, которая восхитила пророка Аввакума, или Апостола Филиппа во Азотъ, презрѣвъ всѣ законы, которые требуются въ прехожденіи отъ одного мѣста на другое, употребляя неизвѣстной въ семъ случаѣ способъ; ежели они имѣютъ нѣкоторое подобное солнечныхъ лучей въ преломленіи отсвѣчиванія о себѣ познаніе, то не льзя отвергнуть, чтобъ они и нашихъ многихъ помышленій не узнавали. Тѣ, которые отвергая почитаніе Святыхъ, говорятъ, что будто они не знаютъ, что на земли дѣлается, не умѣютъ, какъ

Дан. 14. 35. Дѣян. 8. 40.

Лук. гл. 15. 10. какъ отвѣчать противъ онаго: радость велія бываетъ на небеси предъ лицемъ Ангелъ о единомъ грѣшникѣ кающемся. Хотя подлинно и не льзя ко мнѣнію Василія В. точно пристать, которой говоритъ, что когда Богъ изрекъ: да *будетъ свѣтъ*, въ тоже самое время съ небомъ и небесные жители сотворены: но не льзя же и того не утвердить, что ни какая

Псал. 101. 91. тварь столько съ ними не сходна, какъ огненная Стихія, или солнечной огонь. Коротко сказать: вообрази себѣ свѣтъ невидимой; онъ то и есть духъ.

14.

О сотвореніи міра видимаго.

Суть безъ сомнѣнія Божіяго творенія дѣла, цвѣты, или лучше сказать, часть ничтожества превосходнѣйшая, съ которыми сходствуетъ и наша жизнь. Мы, или человѣкъ есть животное двустихійное, частію тѣлесное, частію духовное. С. Писаніе свидѣтельствуетъ, что мы духъ Божій

жій и зерцало Божіяго существа. А что называемся мы малымъ міромъ, или сокращеніемъ свѣта цѣлаго, то сперьва показалось бы названіе Риторическое; но ежели внятнѣе разсудить и на дѣлѣ извѣдать, то найдемъ справедливымъ безъ всякаго украшенія. И воперьвыхъ мы не иное что, какъ неустроенная оная матерія, въ числѣ тѣхъ вещей почитаемая, которыя получили тяжкое и бездыханное существо, не имѣя ни жизни, ни чувствъ, ни разума. Потомъ есть въ насъ жизнь таже, что и въ растѣніяхъ; есть таже, что и въ животныхъ; есть и человѣческая; есть наконецъ и духамъ жизнь свойственная. И такъ въ таинственной оной натурѣ нашей обтекая мысленно пять родовъ жизней, не только всѣ земнаго шара; но и всея вселенныя твари въ себѣ заключаемъ. И мы по справедливости назваться можемъ онымъ знаменитымъ двустихійнымъ животнымъ, рожденнымъ жить не только во всѣхъ Стихіяхъ, какъ и прочія животныя; но и въ различныхъ мірахъ. Подлинно, что чув-

ства наши дознаютъ одинъ только міръ, но разумъ два: одинъ видимой, а другой невидомой. Одинъ міръ ясно описалъ Моисей, а другой подъ нимъ такъ доразумѣвалъ, что мы еще всего не выразумѣли. Первыя бытейскія главы хотя Богословы старались истолковать просто; но по мнѣнію Августина вѣроятно, что Моисей индѣ и аллегорично писалъ.

15.

О сотвореніи міра невидимаго.

Да и не имѣемъ мы нужды изслѣдовать, какія основательныя движенія сего невидимаго невещественнаго міра. Ибо духи въ семъ вещественномъ міра устроеніи свободно быть могутъ на всякомъ мѣстѣ, и во всякое время, не подлежа при томъ никакимъ движенія нашего законамъ. Хотя Богъ и все сотворилъ для человѣка; однакожъ не должно это такъ толковать, будто бы въ числѣ тварей, намъ подвластныхъ, и духи были; хотя они жела-

желательно и охотно исполняютЪ на земли для людей всѣ тѣ служенія, которыя БогЪ на нихЪ налагаетЪ. БогЪ все сотворилЪ для себя, и это сдѣлать не иначе могЪ, какЪ для славы своей; прочее все содержитЪ вЪ себѣ самомЪ. Ибо поелику слава есть постороннее дѣло, и больше заключающаяся вЪ почитающемЪ, нежели вЪ почитаемомЪ, то и соблаговолилЪ БогЪ произвести твари такія, которыя бы обязаны были ему почитаніемЪ. Т. е. вЪ невидимомЪ мірѣ АнгеловЪ, а вЪ видимомЪ людей. Сколько разЪ мы о семЪ нерадимЪ, толико кратно забываемЪ тотЪ конецЪ, для котораго произведены мы на свѣтЪ; и тогда то мы доводимЪ до того Творца, дабы раскаявался онЪ, яко сотвори человѣка, и чтобы клялся не истребить его паки, какЪ было вЪ потопѣ. Что мірЪ есть единЪ, показываетЪ только вѣра, а не Аристотелева Философія. Ибо онЪ ни его вѣчности, ни единства доказать не могЪ. Древніе писатели много надЪ симЪ трудилисЪ вопросомЪ, доколѣ Моисей все рѣшилЪ однимЪ словомЪ *сотворенія*, которое не что иное

иное значитъ, какъ вещь изъ ничего произвесть. А ничто есть то, что противополагается чему нибудь. Богу только одному приличествуетъ самостоятельное бытіе, а прочее все имѣетъ свое существо отъ него зависящимъ, и въ числѣ существъ полагается съ нѣкоторымъ различеніемъ. Богъ, поколику есть вся во всѣхъ, отъ котораго все произведено; то и ничто сдѣлалось нѣчто, и ничтожество отъ всесущія бытіе свое получило.

16.

О сотвореніи человѣка.

Хотя и все твореніе есть таинство, но наипаче сотвореніе человѣка. Другія всѣ твари Богъ произвелъ однимъ духомъ устъ его, и по одному изреченію его изъ ничего все родилось. Но при сотвореніи человѣка, какъ бытейскія книги показываютъ, Богъ видимый былъ художникъ, и кажется, что онъ не столько сотворялъ, сколько составливалъ человѣка. Прочія

твари съ веществомъ своимъ вдругъ принимали и внутреннее расположеніе. Но когда устроевалъ Богъ человѣческій составъ, то предлежало еще труднѣйшее сотвореніе, т. е. произведеніе существа себѣ подобнаго, безсмертныя и нетлѣнныя души. Два сіи свойства познаемъ изъ Философіи, которыя ни (*) Платонъ, ни (**) Аристотель не отвергаютъ. Есть еще нѣкоторая Богословская о рожденіи души трудность, которая въ школахъ премного произвела споровъ, т. е. душа, при рожденіи, снова ли отъ Бога сотворяется, или вливается? На сіе ложно отвѣтствуетъ Парацелсъ, будто разумъ, или душа все что ни дѣлаетъ въ человѣкѣ, дѣлаетъ безъ соединенія съ тѣломъ: а (***) Августинъ говоритъ справедливѣе, но не безъ нѣкоторой однакожъ въ словахъ прикрасы, т. е. что душа сотворяясь вливается, а

 вли-

(*) Въ Федонѣ, проч.

(**) Кн. 2. о душѣ.

(***) Въ книг. о Догмат. церьк. гл. 18.

вливаясь сотворяется. Мнѣніе его вѣрѣ не противно: однакожъ не можно кажется не уступить, что душа, при исполненіи своихъ въ насъ дѣйствій, получаетъ удобность свою отъ порядочнаго всѣхъ членовъ расположенія. Получаетъ же не такъ, будто бы его плоть, или видимый тѣла составъ былъ собственное душевное орудіе. Но большее орудіе души суть чувства, такъ какъ руки разума. Въ анатомическомъ человѣка наблюденіи встрѣчается несчетное множество, и какихъ то сокровенныхъ, къ любопытству Философскому матерій, которыя и самыхъ язычниковъ къ Богословіи доводили. Такъ подлинно! Мы знаемъ, что мы люди, а какимъ образомъ, того не знаемъ. Есть нѣчто въ насъ отмѣнное существо отъ насъ, которое и послѣ насъ не изчезнетъ; но какъ оное взошло въ насъ, о томъ никакая свѣтская исторія не показываетъ.

17.

О человѣческомъ тѣлѣ.

Но сей плоти нашея составъ, въ которомъ душа наша до воскресенія, какъ бы въ тѣсныхъ стѣнахъ заключается, есть не что иное, какъ Стихійное устроеніе, весьма въ свой прахъ преобратиться имѣющее. Сказать, что всяка плоть, яко трава, или что жизнь есть сельный цвѣтъ: будетъ справедливо не по одному Риторическому изреченію, но и въ самой вещи. Всѣ, сколько ни видимъ мы въ свѣтѣ животныхъ, будутъ не что иное, какъ сельное растѣніе сплетенное плотію въ нѣкоторыхъ грубѣйшею, а въ насъ чистѣйшею нѣсколько. Все сіе, какое видишъ тѣлишко, взошло въ насъ дыханіемъ чрезъ уста. Сіе устроеніе тѣлесное разбросанное лежало по разнымъ Стихіямъ, которымъ мы питаясь возрастали въ себѣ. Не можно кажется думать, будто бы мудрый оный Пифагоръ допуская изъ людей въ скотовъ прехожденіе душъ, собственно

Псал. 102. 15.

могъ разумѣть такую невозможность; а можетъ быть не то ли онъ разумѣлъ, что пары, изъ растлѣвшагося человѣческаго тѣла исходящіе, глотаютъ съ воздухомъ животныя. Одно только было превращеніе праведное Лотовой жены въ соленой столпъ. Навуходоносорово превращеніе болѣе походитъ на нравственное, нежели Физическое. Все тѣло изчезаетъ; да и послѣ смерти ни въ какое другое состояніе не преходитъ, а получаетъ туже жизнь, которую имѣло прежде своего на свѣтъ рожденія. Но человѣческая душа по растлѣнномъ тѣлѣ нетлѣнно пребываетъ, и по особенному превосходству въ своемъ естествѣ, живетъ и по смерти человѣка. Праведныхъ души, оставивъ тѣла̀, переселяются на небо.

18.

О послѣдствіяхъ грѣха.

Сія то есть оная горестная грѣха побѣда, которую доселѣ оплакиваемъ, и не рѣдко стеная, говоримъ о Адамѣ, что

что ты намъ причинилъ! Но нѣтъ! Истинный Христіанинъ не столь тѣсно прицѣпленъ къ міру, и въ семъ случаѣ благодаритъ Богу; не такими оковами связанъ, которыя или бы производили въ немъ непомѣрную любовь къ сей жизни, или бы приводили въ непомѣрное смятеніе при воспоминаніи страшнаго имени смерти, которая послѣдовала за грѣхомъ. И это не для того, будто бы онъ лишился того чувствія и страха; или бы пріобыкши ежедневно взирать на трупы мертвыхъ, ни за что смерть почиталъ, или бы какъ бабочки и мотылю̂къ не имѣлъ понятія о смертномъ своемъ состояніи. Но понеже всѣ страхи и ужасы въ мысляхъ воображая, ничего не находитъ въ смерти такого, чтобы благоразумнаго человѣка и великодушнаго Христіанина въ отчаяніе приводило. И посему не сердится онъ на прегрѣшеніе прародителей; не негодуетъ на общую оную всѣмъ судьбу. Чѣмъ тщательнѣе вникаетъ онъ въ свое состояніе, и представляетъ, что смерть есть

дѣйствіе онаго всеуправляющаго Божія-
го правосудія, находитъ, что онъ одинъ
въ семъ случаѣ всѣхъ бѣднѣе. Всѣ міра
сего увеселенія, которыя не что иное
суть, какъ пустыя игрушки, не въ си-
лахъ его упросить, чтобы онъ оста-
вилъ любовь къ будущей жизни, восхо-
тѣлъ еще нѣсколько для мирскихъ уве-
селеній продолжать дыханіе настоящей
жизни. Хотя бы діаволъ всѣ увѣренія
изобрѣлъ, что онъ никогда не умретъ,
но онъ ни наминуту бы остаться не
захотѣлъ. Сію окаянную жизнь, сіе
благотворительное солнца сіяніе и сти-
хій услугу, столь низкими почитаетъ,
что того и за человѣка не ставитъ, ко-
торой бы хотѣлъ для нихъ однихъ
на свѣтѣ жить остаться, но ожидая
лучшаго, на настоящую жизнь равно-
душно взираетъ, и занимаясь лучшими
мыслями, презираетъ смерть, и всѣхъ
тѣхъ почитаетъ, которые за не вели-
ко ея поставляютъ; а о тѣхъ думаетъ
мало, кто ея боится. Да и не тѣ ли
воины любленія достойны, которые
по одному полководца повелительному
слову устроясь, не боятся умирать?

Языч-

Язычнику простить можно, когда онъ боится смерти, но ежели ужасается Христіанинъ: то онъ или чрезмѣрно прилѣпленъ къ жизни настоящей, или лишается упованія получить будущую.

19.

Исторія жизни человѣческія.

Нѣкоторые Богословы поставляютъ, что Адамъ сотворенъ былъ тритцатилѣтній; понеже де былъ большаго и мужественнаго возрасту. Но мы въ числѣ нашихъ лѣтъ всегда погрѣшаемъ, и не кладемъ въ счетъ нѣсколько мѣсяцевъ, которые къ нашемужъ вѣку принадлежатъ. Ибо мы живемъ движемся и есмы; находимся подъ властію стихій и подвергаемся тяжести болѣзней въ другомъ ономъ мірѣ истинно и прямо въ маломъ мірѣ, т. е. во чревѣ матернемъ, поелику кромѣ общаго нашего бытія, которое имѣемъ въ неустроенной оной матеріи, когда еще въ нѣдрахъ причинъ и связи міра какъ бы сномъ покрываемся, въ трехъ

оныхЪ различныхЪ мірахЪ получаемЪ существо, вЪ каждомЪ какЪ бы постепенно восходя. ВЪ мрачномЪ мірѢ т. е. во чревѢ матернемЪ весьма кратокЪ нашЪ вѢкЪ, которой мы помѢсячно считаемЪ. ОднакожЪ и притомЪ многихЪ животныхЪ, взирающихЪ на солнечный свѢтЪ, цѢлая жизнь бываетЪ кратчае онаго. ВЪ семЪ темномЪ мірѢ не лишены души, чувствЪ и разума, хотя всѢ они кЪ правильному исполненію своихЪ дѢйствій ожидаютЪ способныхЪ предметовЪ, и живутЪ только какЪ бы вЪ нѢкоторомЪ корнѢ т. е. вЪ душѢ растительной. ПослѢ того исходимЪ на позорище міра сего, ободряемся, и кажется какЪ будто совсѢмЪ вЪ другую перемѢняемся тварь, пріемлемЪ употребленіе разума, изЪявляя божественнаго вдуновенія частицу; однакожЪ пріемлетЪ не полно и не совершенно дотолѢ, доколѢ не совлечемся тлѢннаго сего плоти нашея рубища; доколѢ не прейдемЪ вЪ послѢдній оный мірЪ; вЪ селенія, которыя ПавелЪ изглаголати не могЪ, собственное жилище Анге-

Ангеловъ. Ежели правда, что есть въ натурѣ Философическій камень, которой всѣ металлы превращаетъ въ золото; то изъ него и въ Богословіи научаемся; какимъ образомъ нетлѣнный духъ, существо безсмертныя души, можетъ крыться въ плоти нашея жилищи. Удивительныя оныя и шелковыхъ (*) червей преображенія часто могутъ Философію перемѣнить на Богословію.

(*) Свойство шелковыхъ червей описываетъ по нѣскольку Пиній кн. 11. 2. 22. Онъ говоритъ, что раждаются они отъ большаго червячка рогатаго, которой сперьва походитъ на капустнаго червячка; потомъ перераждается въ червячка, какъ будто шелкомъ опушеннаго (Bombilius), потомъ еще перемѣняется въ другаго, коего Плиній зоветъ (Neudalus) и чрезъ шесть наконецъ мѣсяцевъ бываетъ настоящій шелковой червь Bombyx. Притомъ бываетъ онъ мужескаго и женскаго роду; самцы понимая самокъ чрезъ нѣсколько недѣль не ядятъ, и живутъ воздухомъ однимъ; несутъ яйцы, изъ которыхъ весною, когда полагаютъ въ теплое мѣсто, раждаются червячки, питающіеся листьемъ шелковаго дерева. Выросши въ настоящаго червя, мотаютъ шелкъ, на подобіе яйца, въ коихъ затворяются, и скидая кожу, оные мотки предаютъ, и послѣ претворяясь въ крылатую бабочку, улѣтаютъ.

Есть заподлинно въ натурѣ вещей нѣчто божественное и сокровенное, въ чемъ тщетно усиливается разумъ, и въ чемъ ослѣпляются невѣжественныхъ зрителей очи. Есть люди натурально подверженные какой то стыдливости, которые не боятся, но стыдятся смерти. О коль великой подвержено естество наше нелѣпости и униженію! Можно ли, что въ одну минуту времени умирая, доходимъ мы до такого безобразія, что всѣ любезнѣйшіе намъ друзья, жена и дѣти на насъ посмотрѣть не хотятъ, и со страхомъ отбѣгаютъ. Не тяжко ли, что птицы и животныя, которыя имѣли къ намъ врожденное нѣкоторое почитаніе и страхъ, ужѐ позабывъ весь долгъ свой, начинаютъ насъ терзать. Это одно, представляя, приводитъ духъ въ разслабленіе, и погружаетъ смертельнымъ какимъ то уныніемъ. Ежели бы мы умирали такъ, чтобы никто того не видалъ; умирали бы мы безъ сожалѣнія другихъ и безъ удивленія; ничьи бы насъ не оплакивали очи, ни какихъ бы не показали милости знаковъ, ни-

кто

кто бы воздыхая не говорилъ: ахъ! какъ онъ совсѣмъ перемѣнился. Стыдъ сей не раждается отъ не порядочнаго будто бы какого расположенія тѣла; и не отъ того, будто бы нажизъ, поносительную какую болѣзнь, сдѣлались чрезъ то непріятною пищею червей, но отъ послѣдствія грѣха.

Не нѣтъ на свѣтѣ таковыхъ людей, которые надѣясь на знатность породы, коею славились, надѣются и послѣ смерти жить въ исторіи, и потому смерти ожидаютъ великодушно. Но въ семъ случаѣ обманываются, или лучше сказать, безумствуютъ. Ибо того желаніямъ все это покажется не довольнымъ, кто сколько нибудь помышляетъ о будущемъ. Лучше же того желать, что благородную дѣлаетъ амбицію, дабы существомъ своимъ жить въ небѣ; а не именемъ и тѣнію пребывать на земли. И такъ умирая должно разлучиться съ міромъ, не думая о гробницахъ, или исторіи и надгробной надписи, стараясь память по себѣ оставить не въ иномъ

мѣстѣ, какъ на публичныхъ оныхъ и вѣчныхъ таблицахъ небесныхъ. Завѣщаніе Циника (*) Діогена похвалить не льзя; а заслуживаетъ особенную похвалу оное завѣщаніе Лукуллово:

Кто въ Римѣ слапнаго сожженія лишенъ,
Подъ небомъ трупъ того пребудетъ покро-
(пенъ.

Съ умѣренностію тѣхъ похвалить должно, которые при гробницахъ своихъ предковъ погребены быть желаютъ, (какъ Египтяне); или хотятъ по смерти скораго истлѣнія (какъ дѣлали Персы, которые умершихъ вывѣшивали на дерева, дабы птицы скорѣе съѣли); не рѣдко и въ самую краткую жизнь начинаемъ скучать свѣтомъ. Не рѣдко покидаемъ страсти еще въ то самое время, когда кипитъ и волнуется кровь. Предшествуютъ иногда намъ въ самой младости, пороки старости.

Скуч-

(*) Онъ просилъ, дабы его не погребать, а дать мертвому палку, чемъ бы отбиваться отъ птицъ.

Скучно иногда бываетъ на все, что ни есть въ свѣтѣ, смотрѣть, да и все что ни есть здѣсь, есть одна только мечта, личина и привидѣніе; а мы не иное что, какъ въ разныхъ званіяхъ исходящіе представлять комедію на театрѣ міра сего. Ежели всѣ воскреснутъ въ полномъ и совершенномъ возрастѣ; такъ чтожъ болѣе причиняетъ долголѣтная жизнь, какъ то одно, дабы ежедневно отъ того совершенства отпадали, для котораго воздвигнетъ насъ одно Божіе чудотвореніе. Ежелибы хотя малая была надежда, что мы отстанемъ отъ пороковъ и грѣшить перестанемъ, то бы заподлинно надобно съ коленопреклоненіемъ просить Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Но лѣта скривляютъ, а не поправляютъ нашу натуру и поврежденныя расположенія преобращаютъ въ хуждшіе навыки, доколѣ наконецъ привлекутъ съ собою тяжкія пороки. Всякой день уменьшаются наши силы, всякой день прирастаютъ грѣхи, и число дней дѣлаетъ грѣхи безчисленными. Грѣхъ содѣянный тобою въ 16 лѣтъ гораздо

иной будетъ, естьли сдѣлаешъ въ 40 лѣтъ. Ибо кромѣ его заматорѣлости и не извинительной привычки, одна только зрѣлость разсудка отнимаетъ всѣ мѣры къ прощенію. Великой грѣхъ тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ чаще дѣлаешь. Какъ цыфры умножаются въ Ариѳметикѣ; такъ умножаются грѣхи грѣхами, а послѣ содѣянный превышаютъ всѣхъ. Хотя того и сказать не льзя, чтобы тотъ когда нибудь жилъ хорошо, кто не могъ хорошей жизни начинать. Но не для чего возвращенія жизни желать, и нить житія снова начинать, какъ говоритъ, (*) Цицеронъ; но больше бояться должно, дабы впредь худымъ не быть, хотя ежедневно научаетъ разсудокъ, чтобы лучше и правильнѣе дѣлать можно; но не укротимыя страсти, заматорелые навыки побуждаютъ всегда хуждшему слѣдовать. Тѣже пороки тверже стали при старости, нежели были въ юности. Грѣшили тогда, какъ ребята, а теперь уже прямо стали ре-

(*) Въ кн. о старости.

ребята, въ старости грѣша. И такъ случается часто, что тотъ, кто сумазбродной старости былъ ребенокъ передъ 60 годомъ требуетъ бани (*) Езоновой. Не безъ особеннаго промысла продолжаться жизнь можетъ до 60 году. Тѣ, которые о долговременной жизни написали цѣлыя книги, не всѣ тому причины приводятъ. Ибо когда увѣряютъ, что жизнь наша зависитъ отъ нѣкотораго кореннаго бальсама и жизненныхъ сѣрныхъ частицъ; тѣ не доказываютъ для чего Адамъ былъ долговѣчнѣе Авеля. Слѣдовательно есть нѣкоторая скрытая и потаенная жизни нашея нить, которой Божія премудрость мѣру и предѣлъ полагаетъ, коея продолженіе не усыпное и безпрерывное провиденіе Божіе доведъ до своего конца, прерываетъ. А къ произведенію сего дѣла не только духовъ, но и наши и всѣхъ твореній услуги сокрытымъ нѣкоторымъ образомъ споспѣшествуютъ. И такъ не дол-

(*) Езонъ былъ старикъ, отецъ Язона, отъ Медеи въ молодаго преображенъ, по баснос.

должно оплакивать преждевременную смерть тѣхъ, коимъ случилось до 60 году умереть. Это судьба есть имъ общая съ цѣлымъ міромъ, котораго твердый составъ, прежде повсечаснаго разрушенія своего разрушится, и прежде нежели всѣ вещи въ немъ пропадутъ, онъ самъ въ цѣлости пропадетъ; и не иначе его прежде 60 тысячь лѣтъ будетъ смерть, какъ бы и человѣку прежде 60. Есть заподлинно другая нѣкоторая, кромѣ естественной, рука, которая прядетъ жизни нашея нить. Мы не знаемъ не только Антипатіи (врожденнаго одной вещи съ другою отвращенія) и сокрытыхъ качествъ; мы незнаемъ ни рожденія ни исхожденія; ибо нити жизни нашея прядутся ночью и сокровенно, и всѣ житейскіе случаи неизвѣстно какое-то начертываетъ перушко, которое намъ невидно. И хотя мы его незнаемъ, но заподлинно увѣрены, что оно ошибаться не можетъ; ибо пишетъ имъ Божія десница.

ЧАСТЬ

ЧАСТЬ II.

НАДЕЖДА.

I.

О смерти.

Кромѣ сея, собственно названныя смерти, есть еще и другія ея роды, о которыхъ упоминаютъ Богословы; да и не совсѣмъ оные можно сказать Метафизическіе. Сюда принадлежитъ предшественница надежды смерть, коею умираемъ грѣхамъ и міру. И такъ дважды всякой имѣетъ свой рожденія день, одинъ человѣческій, въ которомъ рождаемся, другой Христіанской, въ которомъ перерождаемся; т. е. крещеніемъ, отъ коего одного прямо рожденіе числить должно, почитая себя ничѣмъ, доколѣ имя наше не будетъ вписано въ книги животныя. Кто сея жизни не имѣетъ, тотъ есть тѣнь и при-

видѣніе, хотя бы въ тѣлѣ и казался лѣпымъ. Сими нравственными доказательствами побуждаемся мы во упованіи умирать, дабы пріобрѣсть безсмертіе. Мы еще не довольно тогда о смерти помышляемъ, когда на какой либо скелетонъ, или мертваго лобъ и кости смотримъ, что между людьми не рѣдко случается. И потому извѣстное оное присловіе *помни смертъ* больше можемъ по Христіанскій размножить; т. е. помни неминуемая и всѣмъ общая *послѣдняя твоя* смерть, судъ, небо, адъ. Самые язычники простираясь мыслію за предѣлы смерти (*) Радаманта нѣкотораго суда боялись, хотя иначе о немъ толковали, сколько къ тому естественный разсудокъ доводилъ. Не можно довольно надивиться, отъ какого прорицалища, или отъ какой Сивиллы вышло пророчество о будущемъ міра сожженіи; и откуда бы Лукану сказать:

Все-

(*) Виргилій упоминаетъ о Радамантѣ судіи адскомъ.

Всеобщій міру день сожженія придетъ.
И него со землей огнь въ пепелъ приведетъ.

Извѣстно, что настанетъ міру кончина, однакоже онъ ни въ упадокъ не пришелъ, ни состарѣлся, ниже самъ отъ себя погибнетъ. Вышеестественное было его сотвореніе, вышеестественное будетъ и уничтоженіе. Да и уничтожить его такимъ образомъ никто не можетъ, развѣ тотъ, егоже божественныхъ устъ духомъ вся быша; которой есть огнь вся поядаяй; которому ни какого сравненія Философія не находитъ. Есть нѣкоторые С. Отцы, которые думаютъ, что Богъ въ одну минуту сотворилъ свѣтъ; а можетъ быть и кончина его тѣмъже образомъ будетъ. Опредѣлятьже сего неминуемаго времени, день, или годъ, не только постыдно но и беззаконно. Какъ мы можемъ толковать Иліиныхъ 6000 лѣтъ, ежели о томъ и Ангели не знаютъ; ежелибъ объ этомъ спросить Делфійское дьявольское прорицалище, то можно бы получить превесьма со-

мнительной отвѣтъ. Не въ прошедшіе только вѣки Астрономическія о семъ предреченія открылись ложными, но и нынѣ обманываются въ своихъ предсказаніяхъ тѣ; которые ни прошедшаго ни настоящаго не зная, о будущемъ предсказываютъ; небывъ новыми, но старое исполня на себѣ пророчество, т. е. востанутъ лжепророки проч. Можно сказать, что сія истинна походитъ на Алхимистическій, или Философскій камень, къ изобрѣтенію котораго, хотя всѣ примѣты и пра́вила есть, однакожъ весьма мало такихъ людей, которые бы могли его найти. Всѣ и прошедшіе (*) вѣки думали, что настаетъ ужѐ кончина свѣта, и не меньше мучило ожиданіе ихъ, какъ и насъ. Однако и доселѣ С. оные Апокалипсическіе старцы воздыхая во упованіи говорятъ, *доколѣ господи*! И неизвѣстно, избѣгнутъ ли сихъ воздыханій усопшіе нынѣ, и великаго онаго Юбилея съ плачемъ и сѣтованіемъ ожидать имѣющіе.

2.

(*) 1. Петр. 4. 7.

2.

О последнемъ судѣ.

Но сей то день откроетъ великое оное правосудія Божіяго совершенство. Сей то день исполнитъ нашу надежду, проженетъ мракъ и тьму и разрѣшитъ сомнѣнія, въ изъясненіи которыхъ и самые премудрѣйшіе тщетно трудились. Праведно разсудитъ онъ все то, что въ семъ мірѣ беззаконно, или не правосудно было сдѣлано. Единъ сей день всѣ прошедшіе обыметъ. Сіе будетъ послѣднее подобно, какъ на театрѣ, явленіе, при окончаніи котораго всѣ представляющіе лица неотмѣнно предстанутъ. Онъ единъ можетъ сдѣлать, дабы мы и въ сокровенности хранили добродѣтель, дабы истинну и честность безъ зрителей творили, зная что *добродѣтель есть сама, въ себѣ награда.* Правда, что сіе изреченіе есть не столько сильно, дабы могло отвратить малодушіе наше, встрѣчающееся на пути добродѣтели. Ибо когда мы уединясь, думаемъ, ка-

кимъ образомъ отвратить душу свою отъ пороковъ, (что препохвально дѣлалъ Сенека), тогда приводимъ на мысль всѣхъ намъ любезнѣйшихъ, къ соблазну которыхъ, лучше кажется умереть, нежели что сдѣлать порочное! И сія добродѣтель будетъ только нравственная, но не есть причина, за которую бы мы заслуживали на общемъ ономъ судѣ награжденіе. Ежели бы такъ можно сдѣлаться добродѣтельнымъ и честнымъ, то бы все помышленіе можно отложить о небѣ и адѣ. Но есть въ человѣкѣ врожденная нѣкоторая любовь къ добродѣтели, которую саму по себѣ, не ожидая ни награжденія, ни наказанія, почитать должно. Однакожъ не можно ей столько предаться, чтобъ или по слабости нашего естества, или по искушеніямъ чего нибудь важнѣйшаго въ ней не случилось, позабыть. И такъ помышлять всегда о воскресеніи праха нащего и о всемъ томъ, что мы здѣсь благочестно и свято дѣлать предпринимали, во упованіи награды, есть душа всѣхъ нащихъ дѣйствій и жизнь.

Ежели

Ежели это отнять, то вѣра будетъ софизма, а Лукіаново, Еврипидово и Іуліаново нечестіе будетъ превосходная истинна: это будетъ утвердить, что безбожники одни прямо Философствуютъ.

3.

О воскресеніи мертвыхъ.

Мертвые какимъ образомъ воскреснутъ, о томъ спрашивать не можно. Вѣрить возможному не надлежитъ до вѣры, но до Философіи. Весьма много истиннъ въ Богословіи есть такихъ, которыя ни разумомъ доказать, ни чувствами утвердить не можно. Много также есть и въ Философіи того, что чувствамъ извѣстно, но разумъ доказать не можетъ, такъ на пр. обращеніе магнитной стрѣлки на сѣверъ, есть возможная и видимая истинна, которой не трудно повѣрить, ежели только хотя однажды увидишь. Мы надѣемся, что распадшійся и разсыпанный прахъ тѣлъ нашихъ соберется паки. И послѣ толь долговременныхъ и различныхъ своихъ

прехождений чрезъ минералы, растѣнія, чрезъ животныхъ и стихіи, паки въ свой видъ Божіимъ велѣніемъ приведенъ будетъ, и къ прежнему и предопредѣленному тѣла бытію снова возвратится. Истлѣвшіе оные остатки тѣла, въ безконечныхъ разсѣянные видовъ родахъ, которые кажется и забвеніемъ погребены, изведетъ Богъ всесильнымъ своимъ въ послѣдній оный день словомъ къ прежнему во всѣхъ вещахъ бытію. Тогда то откроется Адамовъ плодъ и его сѣмени зараза, въ толикихъ миріадахъ разлившаяся. Не рѣдко удивляться можно оному воскресенію ртути, которая на миліонъ частицъ будучи претренна, въ прежній паки преобращается видъ, и опять тоже начинаетъ быть, что была и прежде: увѣряютъ, что де есть (*) нѣкоторыя растѣнія, по сожженіи которыхъ, изъ пеплу могутъ съ листьями и стеблiемъ такіяже родиться. И ежели можно сдѣлать это въ сихъ малыхъ вещахъ

(*) Pater Adiantos, или Capilli Veneris называются.

вещахъ человѣческимъ искусствомъ; то какое бы неистовство было неприписать такое могущество десницѣ Божiей и въ дѣлахъ превосходнѣйшихъ? Сiя то есть таинственная оная Философiя, изъ которой поистиннѣ всякой просвѣщенный не можетъ выпти безбожникомъ, но паче въ видимыхъ сихъ опытахъ ежедневно успѣвая, прямой наконецъ будетъ Богословъ, и не во снѣ только, какъ Езекiиль, но не спящiй оныя и чувствительныя узритъ начертанiя будущаго воскресенiя.

4.

О небѣ.

По смерти два жилища предлежатъ, между собою совсѣмъ противныя: небо и адъ, опредѣлить ихъ, гдѣ и что они суть, превышаетъ Богословiю. Витiйственнѣйшiй оный Апостолъ восхищенный до третiяго небеси отрицательное только оставилъ намъ описанiе. *Еже око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша.* 1 Корин. гл. 2 сти. 9.
Внѣ себя былъ, когда это видѣлъ; а

пришедъ въ себя не могъ изглаголати.
Апок. гл. 22. Описанiежъ С. Iоанна чрезъ Хризолиты Смарагды, Сапфиры и тому подобное, сего неба, которое очами видимъ, превосходство не довольно объясняетъ. И такъ дабы кратко сказать; на какомъ бы мѣстѣ ни было оное преименитое благополучiе, гдѣ бы безконечной въ желанiи духъ, тако наслаждаясь, ни успокоевался, ничего болѣе не желая, тамъ заподлинно есть и небо. А быть оно можетъ только въ существѣ того, коего безконечная благость не только свои, но и наши ненасытимыя желанiя насытить и удовольствовать можетъ. Гдѣ только дастъ Богъ узрѣти намъ себя, тамъ есть небо; хотя бы это было въ предѣлахъ мiра сего. И такъ можетъ пребывать въ небѣ человѣческая душа, гдѣ бы она ни была. Хотя бы заключена была и въ тѣлѣ своемъ. Такимъ образомъ можно сказать, что Павелъ будучи въ тѣлѣ, или внѣ тѣла былъ на небѣ. Которые поставляютъ жилище блаженныхъ въ небѣ Емпирейскомъ (которое называютъ

всѣхъ

всѣхъ превышшимъ и неподвижнымъ), тѣ позабываютъ кончину міра; ибо когда исчезнетъ видимый міръ сей, то Емпирейское небо, или другое что подобно будетъ ничему. Кто вопрошаетъ: гдѣ рай, или небо? тотъ обрящетъ его тамъ, гдѣ есть Божіе присущіе, или блаженнаго видѣнія слава. Прославленныхъ очи не меньше простираются своимъ взоромъ, сколько и нашъ нынѣ объемлетъ своимъ понятіемъ разумъ. Два тѣла выше десятой сферы, или въ пустомъ мѣстѣ поставленныя, какъ разсуждаетъ Аристотель, зримые одно отъ другаго быть не могутъ; ибо нѣтъ такого тѣла и средины которое бы чувствамъ подлежащіе виды отъ предмета къ чувствамъ могло переносить; а гдѣ ни такой средины, не будетъ, ни такого свѣта, которой бы средину могъ сразмѣрить, ни совершеннаго видѣнія, тамъ должно умолкнуть всѣмъ Философскимъ разсужденіямъ, и Оптику (*) гораздо лучшую должно будетъ употребить.

(*) Наука находить зрительныя стекла.

5.

О адѣ.

Не можно совершенно доказать, чтобы за существо адскаго было огня? да и чтобы тотъ былъ за огонь, который бы могъ жечь душу; не извѣстный пламень оный сѣрный, о ко-
Исх. 66. торомъ С. Писаніе упоминаетъ, не
24. Апок. должно кажется разумѣть о той ге-
96. еннѣ, которая есть нынѣ, но которая будетъ, въ которой всѣхъ мученій нашихъ число покроетъ огнь, ибо подлежать будетъ ему тѣло, на которомъ онъ все свое тиранство покажетъ. Да и не для чего ужасаться при выговорѣ слова уничтоженія; не для чего удивляться Богу создателю, міръ погубить имѣющему, ибо поелику тотъ останется, кто есть малый міръ, который когда и лучше представится, т. е. человѣкъ, то и не льзя будетъ сказать, что міръ погибъ, или уничтоженъ. Очи Божіи и прославленныхъ святыхъ такимъже образомъ въ семъ его сокращеніи и точ-

точной сущности узрятЪ, какЪ нынѢ видятЪ вЪ пространномЪ и распростертомЪ протяженіи. ВЪ самомЪ растѢніи сѢмени видны очамЪ БожіимЪ листы, цвѢты и плоды; видитЪ это и человѢческій разумЪ, хотя и сокрыто отЪ тѢлесныхЪ чувствЪ; ибо, что еще только возможнымЪ кажется для чувствЪ, то для разума представляется вЪ бытіи. ТакимЪ образомЪ БогЪ все видитЪ: и дѢла свои не иначе, какЪ вЪ сокращеніи толико же довольно зрѢлЪ, какЪ и во всемЪ разпространеніи. Не иначе вЪ одномЪ произведеніи (человѢка) шестаго дня, какЪ и вЪ безмѢрныхЪ твореніяхЪ, предыдущихЪ пяти дней. (КромѢ пламени и тѢлесныхЪ мученій многіе описываютЪ такимЪже образомЪ адЪ, квкЪ магометЪ Рай. ЕжелижЪ нѢтЪ ничего тягостнѢе ада, то не льзя его противополагать небу, коего благополучіе гораздо лучше, нежели онаго нещастіе понимаемЪ. А сего благополучія есть жилище безсмертное существо, т. е. душа. ТѢ худо думаютЪ, которые поставляютЪ адЪ вЪ огне дышу-

дышущихъ горахъ. Дьявола жилище есть беззаконное сердце. Геенну и Луциферово царство имѣемъ мы иногда внутрь насъ самихъ, а иногда какъ бы цѣлый легеонъ, въ насъ мятущїйся обносимъ. Адовъ на свѣтѣ столько, сколько издавна поставлялъ Анаксагоръ мїровъ, т. е. несчетное множество. И когда было изъ Марїи Магдалины изгнанныхъ седьмь бѣсовъ, то и адъ былъ одинъ и простой. Такимъ же образомъ и душа измученная совѣстїю за грѣхи есть нѣкоторая тѣнь и предуготовленїе ада. Кто бы не сжалился на оплакиванїя достойное намѣренїе тѣхъ, которые сами себѣ смерти желаютъ? Это бы сдѣлалъ и дьяволъ, ежели бы только могъ; а понеже сего въ немъ нѣтъ, то онъ безконечно несчастливъ, и тѣмъ нещастливѣе, что безсмертенъ.

6.

Адъ нестрашенъ.

Истинный Христїанинъ не боится ада. Иные при одномъ воспоминанїи, а

а кольми паче при описанiи его приводитъ въ ужасъ; но онъ ничего этого небоясь благодаритъ Бога. Вперяетъ мысль свою въ созерцанiе небеснаго блаженства, нестрашась адскаго мученiя, безпокоясь паче, дабы не лишиться небесныхъ радостей. Довольно мученiй, ежели только лишиться онаго веселiя, ибо въ томъ состоитъ самой тягостнѣйшiй адъ. Не угроженiя должны насъ отъ грѣха отвлекать, но любовь къ добродѣтели. Бога больше любить, нежели бояться должно. Благотворенiя его производятъ въ насъ то, что бы мы прежде стыдились своихъ грѣховъ, нежели боялись наказанiй. Ибо Богъ употребляетъ наказанiя, какъ послѣднее средство. И то больше для устрашенiя грѣшниковъ, нежели побуждая къ почитанiю себя праведныхъ. Не можно думать, будто бы кто принужденно въ рай взошелъ. А восходятъ на небо только тѣ, которые Бога безъ геенны почитать хотѣли. А всѣ прочiе, которые страшась геенны, исполняли Божiя повелѣнiя, суть наемники, и какъ бы они ни назывались Божiими рабами; но

но они токмо суть всемогущаго Бога невольники.

7.

Въ надеждѣ блаженства не должно прилѣпляться къ жизни.

Ежелижъ прямо и чистосердечно сказать, когда только ни разсуждаемъ мы о приключеніяхъ и несчастіяхъ жизни нашея, то ничего болѣе въ ней не находимъ, какъ покровительство Божіей десницы; ничего больше не видимъ, какъ безмѣрное множество Божіихъ благотвореній, и на весь человѣческій родъ, и на каждаго изъ насъ изліянныхъ. Все, что другіе называютъ нещастіемъ, наказаніемъ, бѣдствіями, и неблагополучнымъ рокомъ, худымъ жребіемъ, или худою судьбою, все то, ежели тщательнѣе вникнуть, и на видимыя слѣдствія посмотрѣть, есть скрытной нѣкакой подъ другимъ только видомъ ниспосылаемый благоволенія Божія даръ. Казалось ли бы это намъ, такъ по предразсудку страстей, или потому, что охотнѣе пріемлемъ его

его благодѣянія, нежели наказанія. Подлинно особенной мудрости дѣло взойти внимательно вѣ Божія дѣйствія и безпристрастно умѣть себя довести до такого разсудка, чтобы всегда его правосудіе отѣ милосердія различая, преизящнѣйшія оныя два свойства не смѣсить. А разсуждая по пра́виламѣ Логики, можно управленіе Божіе такѣ раздѣлять, чтобы и самые суды его вѣ число благодѣяній поставить. Ибо Богѣ для всѣхѣ есть милосердѣ, и кѣ нечестивымѣ не меньше преклоненѣ, какѣ кѣ праведникамѣ. Не лѣпости не было бы, естьлибы сказать, что онѣ на семѣ свѣтѣ никого не казнитѣ. Обвиненнаго вѣ человѣкоубивствѣ, естьли бы судья взявши только одинѣ штрафѣ, выпустилѣ на свободу; то ктобы не подивился его паче милосердію, нежели бы хотѣлѣ штрафѣ назвать казнію, или его опредѣленіе безчеловѣчнымѣ почесть: а наши грѣхи, поелику суть уголовные, подвергающіе насѣ не только смерти, но и вѣчному осужденію, за которыя мы когда не вѣчно, то временнымѣ

 нашимѣ

нашимъ урономъ, или болѣзнію, или несчастіемъ наказуемся; то какое бы безуміе наше было называть ихъ больше казнію, нежели благотвореніемъ, и жаловаться больше на строгость суда, нежели удивляться Божіему милосердію. И такъ ему покланяться, удивляться и его почитать, есть долгъ благодарности, которой исполнять обязываетъ насъ и наше естество, и нашея жизни состояніе. И почитать его тѣми помышленіями, которыя онъ совершенно знаетъ. Что получаемъ мы небо и небесное благополучіе, это дѣлаютъ не дѣла наши благія, которыя благополучія онаго не заслуживаютъ, но благодатію спасаемся. Двѣ оныя крайности награжденія и наказанія такъ безмѣрнымъ милосердіемъ умѣрены, что не могутъ ни въ заслуги причтены быть, ниже дѣйствіямъ нашимъ сразмѣрны: ибо Божія награда несравненно выше нашихъ заслугъ; а наказаніе гораздо больше мы заслужили.

Каждой изъ насъ сказать можетъ, что онъ въ числѣ избранныхъ; но въ

томъ

томъ не велеръчить. Есть за подлинно не мало такихъ людей, которые хвастаютъ иногда въ несомнительной истиннѣ. Но ежели кто смиренномудренно о душѣ своей мыслитъ, тотъ, многія превозмогая сомнѣнія, за нужное почтетъ слѣдовать наставленію С. Павла: со страхомъ и трепетомъ содѣловайте спасеніе свое. Спасенія нашего вина есть таже, которая и избранія, т. е. Божіе милосердіе и благоволеніе, избравшее насъ прежде насъ, и прежде сложенія міра. Филип. 2. 12.

Неистовствуютъ тѣ, которые надѣясь на вѣру, за не нужныя поставляютъ благія дѣла, и на дѣйствія вѣры уповая, Бога нѣкоторымъ образомъ какъ бы къ условію, или договору понуждаютъ, и какъ бы нѣкоторою софизмою получаютъ царствіе. Опредѣлилъ Богъ при сраженіи Мадіанитскомъ тѣмъ только одержать побѣду, которые воду пили по подобію псовъ. Но для того ли они побѣдили враговъ; понеже такъ пили? И тѣмъ ли славу заслужили? Вѣра истинная, Суд. гл. 7. 6.

коея требуетъ Богъ, есть не только знакъ, но и средство ко спасенїю. Но гдѣ ея найти, не извѣстно. Ежели самые ученики, ближайшїе друзья Спасителя нашего, не имѣли столько вѣры, сколько велико есть сѣмя горушечно, въ чемъ ихъ Спаситель предосуждалъ, которые однако и при всей малости своей могли бы двигать горы; то въ насъ она, или чрезмѣрно мала, или ни какой нѣтъ. Часто мы и вѣру располагаемъ особенно, и не редко по своимъ страстямъ; но на всемъ дотолѣ утверждаться не должно, доколѣ или сами зрѣлѣе не разсудимъ, или ученнѣйшїе мужи не аппробуютъ.

Мат. 17. 17.

ЧАСТЬ III.

ЛЮБОВЬ.

I.

О любви вообще.

Что касается до *любви*, сея преизящныя добродѣтели, то можно смѣло утвердить, что вѣра безъ нея есть одна пустая мысль, не имѣющая бытія. Натура вліяла каждому отъ природы склонности правилъ и законовъ, касающихся до любви. И ежели всякой разберетъ своея души анатомію, то найдетъ, что онъ къ любви рожденъ. А къ содружеству рожденный человѣкъ не гнушается обыкновеніями всѣхъ народовъ. Въ діетѣ, страстяхъ, воздухѣ и тому подобномъ, не имѣетъ онъ Антипатіи, или врожденной какой ненависти. Я „ говаривалъ про себя одинъ благоразумный мужъ, не гнушаюсь тѣми, которые ѣдятъ лягушекъ, черепахъ, грибы проч. не удивляюсь Французскимъ приправамъ; не отвращаюсь Жидовскихъ Акридъ, и ежели бы случилось съ ними вмѣстѣ

ѣсть, то бы мой желудокъ равно принималъ, какъ и всякую пищу; на кладбищѣ ли, или въ саду какія родятся травы, для меня все равно; змѣю, скорпіона, ящерицу, саламандру, или жабу увидѣвъ, не пугаюсь; увидѣвъ ехидну, не ищу камня ударить, подлыхъ разговоровъ и ненавистей въ себѣ не питаю. Нѣтъ во мнѣ тѣхъ пристрастныхъ противностей, какъ есть между Французами и Испанцами, между Шотландцами и Аглачанами, между Датчанами и Шведами, между Турками и Венгерцами; но ежели кто изъ нихъ имѣетъ превосходной умъ, или добрые нравы, я всѣхъ равно люблю и почитаю. Подъ какимъ бы климатомъ жить мнѣ ни случилось, я почитаю себя, какъ будто тамъ и рожденнымъ. Я не такое дерево, которое бы могло только въ одномъ саду расти. Претерпѣвъ кораблекрушеніе, не сержусь на вѣтры и на волны. Въ ненастье могу размышлять, могу играть, или спать. Кромѣ дьявола никого не ненавижу, и нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я размолвясь, помириться

не

не могъ. „ Подлинно что ежели взять всѣ предмѣты служащія къ ненависти; то можно сказать, что одно только есть смѣху и презрѣнію достойное оное чудовище развратной народъ, которой бездѣльныя вещи уважаетъ, а важныя презираетъ; тщетно радуется и плачетъ; безразсудно хвалитъ, или ругаетъ. Бываетъ не рѣдко, и въ боярахъ простонародный такой же мятежъ, изъ той же грязи слѣпленной, который къ прикрытію подлаго духа хотя и позолоченъ, но маловажная его цѣна видна, какъ при счетѣ денегъ случается, что иногда и не весьма свѣтлая монета полагается въ кучѣ на верьхъ, такъ не рѣдко презреннаго и низкаго въ родѣ человѣка гораздо больше почесть должно. Есть однако же не малое число заслуживших честь просвѣщеніемъ. Есть и достоинство отъ натуры каждому вліянное, по которому всякъ занимаетъ свой порядокъ, добродѣтелію, просвѣщеніемъ и заслугами ему соотвѣтствуя!

2.

О благотвореніи.

Благополучіе того человѣка есть не посредственное, которой по самому темпераменту къ добродѣтели расположенъ и натурой къ любленію ея рожденъ: ибо отъ сѣменъ, естествомъ насажденныхъ, лучше можетъ она возрасти, нежели отъ подобнаго прививанію воспитанія. Не для того подаемъ ближнему милостыню, дабы облегчить его голодъ, или въ недостаткѣ помочь: но дабы исполнить Божіе повелѣніе и волю. Должно быть благотворительну, но не для того только, кто проситъ; а для того, кто повелѣваетъ. Помогать другому, трогаясь бѣдностію, или сожалѣніемъ; не будетъ поступать по разуму, но по страстямъ. Ибо, поелику сожалѣніе чужее несчастіе присвояетъ себѣ, то облегчая другихъ облегчаемъ себя. Не иначе поступаютъ и тѣ, кои вспомоществовать хотятъ въ несчастіи для того, поелику неблагополучія жре-

жребiй есть всѣмъ общiй; предусмотрительная сiя заподлинно любовь, но не есть искренняя, и простосердечная. Ибо это не иное что будетъ, какъ въ подобныхъ несчастныхъ для себя случаяхъ исторгать отъ другихъ милосердiе. Между толпою обыкновенно бродящихъ, такъ сказать гораздо изученыхъ, нищихъ, можно примѣчать особенно въ своемъ дѣлѣ искусныхъ. Знаютъ они Физiогномiю, и по расположенiю человѣческаго лица, угадываютъ къ милосердiю склонныхъ, и изъ множества людей умѣютъ выборъ сдѣлать, у кого просить. Имѣетъ заподлинно человѣческое лице таинственные знаки; самую душу начертавающiе, которыхъ, ежели кто знаетъ азбуку, тотъ и разумъ можетъ на лбу прочесть. Во всѣхъ дѣлахъ своихъ оставилъ Божiй перстъ нѣкоторое начертанiе, не почеркомъ буквъ; но изъ свойствъ и расположенiя, изъ членовъ и дѣйствiй составленное, которые всѣ совокупясь порядочно изображаютъ естество. (*)

(*) См. Уранiя стран. 6.

Сими то буквами Адамъ нарекъ по именамъ твари всякому по натурѣ приличныя. Кромѣ сихъ начертаній на лицѣ есть еще нѣкоторыя сокровенныя на рукахъ линѣи, съ другихъ линѣями не сходныя, которыхъ пустыми назвать не льзя. Ибо начертало ихъ перо, которое ничего случайно не пишетъ.

3.

Любовь въ ученіи, спорахъ, въ исторіи и проч.

А дабы паки возвратиться къ любви; то утвердить должно, что не въ толь тѣсныхъ заключается добродѣтель сія предѣлахъ, будто бы вся любовь основывалась на одной щедрости. Ибо дѣйствія человѣческія раздѣляетъ Богословія на многоразличныя; и въ семъ тѣсномъ пути, многія показываетъ къ добродѣтели стези. Понеже сколько есть способовъ къ благотворенію другимъ, столькожъ и ко окончанію любви. Немощи не состоятъ

въ одномъ только тѣлѣ, *но по внѣшнемъ* счастіи и въ душѣ, которымъ всѣмъ вспомоществовать должно. Невѣжду или непросвѣщеннаго презирать не должно; но съ такимъ же взирать должно на него сожалѣніемъ, какъ и на нищаго Лазаря; не меньше нужно обтерти сего струпы, какъ и того прикрыть наготу души. Великоименитое заподлинно и славное дѣло, облещи обученіемъ души другихъ на собственное иждивеніе въ торжественную одежду; дабы они подъ покровительствомъ нашего ходили ума. Дешевлѣ добро сдѣлать не льзя. По такой то естественной любви солнце свѣтъ свой сообщаетъ другимъ, у себя ничего неотъемля. И ежели кто въ семъ случаѣ щедрости оказать не хочетъ, тотъ до гнусности скупъ. Къ сему знанію наипаче обязаны тѣ, коимъ доводилось воспитываться во училищахъ. И потому таковымъ душу свою сдѣлать должно не гробомъ, но сокровищемъ знанія, и въ ученомъ обществѣ не желать торговать, но стараться объ общемъ благѣ. Учимся

ся мы не для себя только, но для тѣхъ, кои учиться не хотятъ. Знающему не завидовать, а о меньше знающемъ сожалѣть. Учимъ другихъ не для своего упражненія, и не для знанія пріобрѣтенія, но дабы науки изъ рукъ въ руки до потомства передавать. Въ такомъ случаѣ не льзя безъ оскорбленія духа подумать, что дарованія, пріобрѣтенныя трудомъ и попеченіемъ съ нами купно пропадутъ, а можно оставить ихъ любезнѣйшимъ нашимъ друзьямъ и особамъ. Не заслуживаютъ другіе за свои погрѣшности нашего презрѣнія, или ненависти; да и неправедно было бы за несходство ихъ мнѣній съ нашими разрывать взаимную любовь. Споры Богословскіе и Философскіе законовъ любви не нарушаютъ, ежели только въ спокойномъ и мирномъ духѣ благоразуміе будетъ. А ежелижъ въ семъ случаѣ гнѣвъ случится, или другое какое пристрастіе, то разумъ не что иное будетъ, какъ добыча пса, которой кинувъ одинъ кусокъ, бросается за другимъ. Потому

то

то рѣдко споры получаютъ рѣшенiе свое. Ибо хотя и громко ихъ предлагаютъ; но напыщаясь одинъ противъ другаго, отступаютъ отъ матерiи, предаваясь пристрастiю, преобращаютъ доброе въ худое; такъ что не только вопросъ остается безъ отвѣта; но посторонняя матерiя беретъ верьхъ. Основательное ученiе вѣры уже давно утверждено; и въ чемъ именно состоитъ наше спасенiе, давно всѣмъ извѣстно. Едва ли еще остается какой споръ рѣшенiя достойный, за которой бы или сдѣлать между собою раздоръ, или съ необузданнымъ пристрастiемъ диспутоваться долженствовало. Не рѣдко всѣ споры походятъ на оную Гомерову Ватрахомiомахiю (войну мышей съ лягушками). Ежели бы живъ былъ Демокритъ, не мало бы онъ этому посмѣялся, но бранятся за такiя бѣздѣлицы самые ученые. И сколько другимъ налагаютъ ранъ, столько ихъ и сами получаютъ; сколько спору бывало за маловажное одно мнѣнiе, или малозначущее раздѣленiе? Ученымъ бы кажется не вооруженнымъ,

нымъ, но торжественно одѣтымъ выходить должно. Языкъ ихъ острѣе (*) Акцїевой бритвы. Подлинно! что человѣкъ весьма долженъ быть праводушный тотъ, кто предпрїемлетъ писать исторїю. Ибо не вѣроятную ложъ разсѣваетъ иногда Историческое перо. Съ такою лжею воспоминаютъ нерѣдко и блаженной памяти людей всѣ народы, и все потомство, и то дѣлаютъ, какъ будто по своему праву и съ не зазорною властїю всякому лгать.

4.

Любопь пъ разсужденїяхъ о другихъ и ихъ испраплений.

Есть еще иной способъ, къ нарушенїю любви служащей, о которомъ никто изъ писателей не упоминаетъ, да не многїе его и примѣтили. Я ругательство разумѣю здѣсь не только на весь какой нибудь чинъ, но и на цѣлой

(*) Акцїй волхвъ бритвой оселку разрѣзалъ при Тарквинїи Прискѣ.

цѣлой какой нибудь народъ, то есть, когда одинъ другаго ругательными поносяя словами, по самой мерзской Логикѣ не многихъ пороки приписываемъ всѣмъ. На пр.

Французы вѣтрены, надутливы Шотландцы, охотники всегда болтать Италіанцы, Испанцы гордые; а Агличане вздоръ. Германцы любятъ пить, Гасконецъ плутъ и воръ. Критянъ правда называетъ Апостолъ Павелъ лживыми, но по мнѣнію ихъ (*) пророка, коего онъ тамъ упоминаетъ. Мерзское подлинно такое ругательство, и походитъ нѣсколько на безчеловѣчное оное (**) Калигулы желаніе. Ибо однимъ словомъ уязвляемъ тысячу людей, и честь цѣлаго народа однимъ ударомъ разсѣкаемъ. Демокритъ, которой всему смѣ-

(*) Разумѣемъ Епименида, которой былъ жрецъ солнцу у древнихъ Критянъ. См. Епифанія о Грес. 42.

(**) Онъ желалъ имѣть всѣмъ одну шею, дабы за одинъ махъ отрубить головы было можно.

смѣялся, и смѣхомъ думалъ поправить свои времена, не меньшій былъ Ипохондрикъ, какъ и Гераклитъ, которой тоже во всѣхъ хотѣлъ произвести плачемъ. Нѣтъ причины сердиться, когда подлой народъ всегда одинаковой по обыкновенію своему въ чемъ нибудь безумствуетъ. Ибо отдалены такіе подлецы отъ жилища мудрости; преодолѣваяжъ пороки, должно это дѣлать увѣщаніемъ и совѣтами, а неругательствомъ и сатирами. Ибо честные, и къ добродѣтели расположенные люди, отъ ругательства и злословій больше преклоняются къ порокамъ. А совѣтами и добродушнымъ увѣщаніемъ скорѣе и удобнѣе возлюбятъ добродѣтель. Цѣнить и судить другаго ни кто не можетъ, понеже другаго совершенно не знаетъ. Можно сію истинну дознать на насъ самихъ; ибо когда мы живемъ уединенно, то и самые наши ближайшіе друзья смотрятъ на насъ, какъ будто сквозь темное какое облако. Однако они больше знаютъ, нежели тѣ, которые по наружности только на насъ

гляДя, меньше насЪ вѢдаютЪ, нежели мы зная самихЪ себя. БогЪ одинЪ знаетЪ насЪ пресовершенно, знаетЪ, что мы ничто. ОнЪ, какЪ на каждаго изЪ насЪ, такЪ и на цѢлой мiрЪ смотритЪ не посредствомЪ преломленiя солнечныхЪ лучей, или чувствуемыхЪ видовЪ, но самой составЪ нашего существа безЪ его случайности видитЪ, видитЪ всѢ вещи вЪ существенности ихЪ, которыхЪ намЪ дѢйствiя одни, и то мало извѢстны. Можно и потому сказать, что никто другаго судить прямо не можетЪ, понеже никто самЪ себя не знаетЪ. Не праведно другихЪ бранимЪ за то, что они сЪ нами несходны вЪ томЪ, что мы вЪ себѢ похвалы достойное находимЪ; да и хвалимЪ столько, сколько они вЪ томЪ сЪ нами равняются. Кратко сказать: мы всѢхЪ ругаемЪ по самолюбiю. Общая жалоба нынѢшняго, а можетЪ быть и прошедшаго вѢка вЪ томЪ, что изсякаетЪ любы многихЪ, за подлинно тому не льзя другихЪ любить, который самЪ себя не любитЪ. ГоворятЪ: всякой себя больше любитЪ.

 Но

Но нѣтъ намъ большаго врага, какъ мы сами. Мы сами себѣ палачи. Предписалъ Богъ: *Не убій*, но это предписаніе весьма мало люди всегда хранили. Всякой самъ себѣ есть (*) Атропа, и мы сами прядемъ жизни своея нить.

5.

О любви въ бѣдности, печаляхъ и дружествѣ.

Кто прямо хранитъ законы любви, того больше трогаетъ бѣдствіе чужее; а меньше свое. Есть такіе, которые претерпятъ безъ слезъ мученіе, и растерзаніе тѣла; а не перенесутъ безъ истиннаго сожалѣнія театральныхъ представленій, въ которыхъ бѣдные игроки вымышленно представляя, или жалуясь на человѣческую судьбу, сами больше всѣхъ оной подвержены; и не въ силахъ будучи ея сносить, паче всѣхъ огорчаются чувствіемъ сего, можно сказать, варвар-

---

(*) Парка прядущая и прерывающая жизни человѣческой нить по баснословію.

варварскаго безчеловѣчія. Изведалъ на себѣ тяжесть сію праведный Іовъ, которому не столько мучительны были прямыя, дьяволомъ на тѣлѣ наложенныя раны, сколько косвенныя друзей его требованія. Къ источникамъ печалей не столько потребно слезъ нашихъ, сколько дружескихъ. Ибо такимъ образомъ печаль, разливаясь на разные ручейки, тише и спокойнѣе течетъ, а въ единой рѣкѣ быстрѣе протекаетъ. *Любовь* внутреннія скорби и сокрушенія изъ души въ душу переносить можетъ, и оныя до того уменьшить, что и чувствительны не будутъ. Ибо печали наши по подобію Математическихъ раздѣленій, дѣлиться могутъ дотолѣ, доколѣ станутъ не чувствительны; хотя бы и еще раздѣлять можно. Въ сѣтованіяхъ друзей нашихъ стараемся мы не только участіе принять, но столько ихъ присвоить, чтобы и разогнать и умѣрить можно было. Ибо свой разсудокъ можетъ въ томъ принудить, чего отъ чужаго испросить не въ силахъ. Двѣ пары оныя друзей многіе почитали

 басно-

баснословными больше, нежели истинными, думая не о томѣ, что было, но что на дѣлѣ быть долженствовало. Да и нынѣ, можетѣ быть, истинно другѣ друга любящіе, взирая на геройскіе примѣры Дамона и Пиѳія, Ахиллеса и Патрокла вѣ нуждѣ друзей тоже бы сдѣлали. Не вѣроятно, дабы кто за другаго жизнь положилѣ, и потому то обыкновенно говорятѣ, что любимѣ себя больше всѣхѣ. Собственныя свои выгоды, которыя наблюдать отѣ естества намѣ вліяно, мы тогда долженствуемѣ забывать, когда разсудимѣ, чѣмѣ мы Богу, отечеству и друзьямѣ обязаны; и посему кѣ тремѣ достопамятностямѣ отношенію себя любить. Многіе женѣ искренно не любили, но сѣ нѣкоторымѣ притворствомѣ; а друзей любили такѣ, какѣ себя, какѣ душу, какѣ добродѣтель. Изѣ сего заключить можно, сколько любитѣ человѣка Богѣ, и сколько вѣ себѣ заключаетѣ благополучія Божія любовь: кромѣ всѣхѣ, есть три только таинственныхѣ соединеній, и именно два естества вѣ одномѣ

лицѣ

лицѣ (Христовомъ), три лица въ одномъ естествѣ (С. Троицы) и одна душа въ двухъ тѣлахъ (друзей). Ибо хотя по справедливости двѣ въ нихъ душй; но онѣ такъ тѣсно соединены, что больше кажутся единою, нежели двумя раздѣльными душами.

6.

Любовь дружественная.

Истинная любовь есть исполненная сокровенностей и закрытыхъ чудесъ. Посредствомъ ея, такъ двое сопрягаются въ одно, что оба кажутся однимъ. Ежели только друга довольно любимъ, то кажется, что любимъ болѣе себя. Увеличивъ и преумноживъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ любви страсть, кажется, какъ будто еще друга и не начинали любить. Когда его нѣтъ, тогда мы подобны мертвому, доколѣ не свидимся; и свидѣвшись не можемъ довольно насытиться его присутствіемъ, простираясь къ большимъ, соединивъ души,

не довольно объятія, ибо понуждаетъ еще нѣкоторое желаніе совершеннаго сопряженія, которое поелику не возможно, то и желаніе будетъ безконечное и не насытимое. Есть еще и другое бѣдствіе въ любви; кого мы равно любимъ, какъ себя, тѣхъ лица начертаніе выпадаетъ изъ нашего совображенія и не можетъ удержать понятія объ его видѣ. Что и не удивительно! ибо они суть мы, и чувствія наши дѣлаютъ ихъ лица нашими. А такое геройское чувствіе въ подлыхъ душахъ не бываетъ, но въ тѣхъ только, которые на добродѣтели дружбу основываютъ. Симъ благороднымъ жаромъ воспалясь, должно любить друга. Но душѣ не можетъ пріобрѣсть большаго благополучія, какъ спасеніе вѣчное. Хотяжъ не въ нашей власти оное другому дать, но любви и набожности знакъ, естьли не доставить и пріумножать; то по крайней мѣрѣ желать. Молиться за себя должно съ памятцою друзей, и не иначе, какъ желаніемъ получить ближнему тоже благодѣяніе, коего испра-

испрашиваемъ себѣ у Господа. Молиться же за враговъ своихъ, т. е. за ихъ спасеніе, есть заповѣдь не столько строгая; за ложъ почесть должно повѣсть объ ономъ зломъ Италіанцѣ, (которой убилъ врага своего на дорогѣ, принудивъ сперьва проклинать Бога, дабы такъ умершій и будущей лишился жизни.) Ибо злыя намѣренія людей за предѣлы жизни настоящія не простираются. Но дьявольскія одни и мрачныя адскія желанія хотятъ намъ въ будущемъ вѣкѣ окаянства.

7.

Любовь ко врагамъ.

Заповѣдь, дабы не даваться въ обиду и другимъ не наносить, многимъ и въ молодости кажется не тягостна. Но въ совершенныхъ лѣтахъ и при зрѣлости ума обида меньшею кажется. Ибо въ зрѣломъ ума состояніи можно съ великодушіемъ уже слушать тѣхъ, которые говорятъ, что обиды на свѣтѣ нѣтъ, или, ежели есть, то не достойна мщенія, или нѣтъ большаго мщенія, какъ пре-

презрѣніе обиды. Кто другому желаетъ зла, тотъ самъ себя ненавидитъ. А тотъ больше другихъ любитъ, кто о другихъ смиренномудрствуетъ. Противъ совѣсти было бы сказать, что мы съ другими больше бранимся, нежели сами съ собой. Составъ человѣческой сдѣланъ изъ различныхъ и противныхъ между собою частей, изъ безчисленныхъ противностей, или Антипатій. Человѣкъ одинъ не иначе, какъ и одинъ міръ, изъ премножества разнородныхъ состоитъ существъ. Потаенныхъ и домашнихъ враговъ имѣемъ мы внутрь себя, а публичныхъ для насъ вредныхъ нару-
2. Кор. 12. 7. жно. С. Павла дьяволъ только заушалъ, а насъ разсѣкаетъ онъ острымъ мечемъ. Есть въ сердцѣ нашемъ цѣлой фарсальской бой; воюютъ страсти противъ страстей; разумъ противъ вѣры; вѣра противъ дьявола, а противъ всѣхъ совѣсть. Есть нѣкоторой въ насъ внутренній человѣкъ, которой раздражается, воинствуетъ, повелѣваетъ, вызываетъ. Богословы присовокупляютъ къ покаянію и сер-

дечное сокрушеніе; но часто въ душѣ нашей бываетъ негодованіе, гнѣвъ, сожалѣніе, ненависть и другія противныя и дѣйствіямъ и разуму страсти. Однакожъ мы тогда не нарушаемъ къ себѣ любви, когда боремся съ пороками нашими, или когда ненавидимъ ту свою часть, которая противна основанію любви, т. е. Богу. Въ семъ случаѣ мы подражаемъ великому сему міру, въ которомъ всѣ малыя и различныя вещи между собою противныя и не согласныя составляютъ общій порядокъ, а ежели бы онѣ начали превозмогать, то бы весь міръ рушился.

8.

Любопь требуетъ не позпышаться науками.

Изъ безчисленнаго множества грѣховъ и пороковъ, которые достались намъ по наслѣдству отъ Адама, одинъ есть порокъ непріязненнѣйшій любви, всѣхъ грѣховъ и самаго діявольскаго паденія начало, а именно *гордость.*

Коея имя хотя не въ многихъ состоитъ буквахъ, но сущность едва ли можетъ помѣститься въ цѣлаго міра предѣлахъ. Не въ большихъ токмо, но и въ самыхъ малыхъ случаяхъ она до безмѣрія быть можетъ. Малѣйшія знанія и ученія наши, и нѣкоторая отъ другихъ отмѣна сколько въ просвѣщенныхъ дѣлаетъ смиренія; столько глупыхъ надымаетъ. Еразмъ (въ похвалѣ дурачеству) описываетъ нѣкоторыхъ грамматистовъ, изъ которыхъ иные одинъ Гораціевъ стихъ, или одну его оду съ большею гордостію переводили и изъясняли, нежели Горацій цѣлую книгу сочинялъ. Кто похулитъ знаніе многихъ языковъ? Но просвѣщенный тѣмъ не хвастаетъ, и не больше о себѣ мыслитъ, какъ Патріархи, жившіе прежде столпотворенія Вавилонскаго, когда еще не было ни-дву-ни-трехъ-язычниковъ, ни Критиковъ. Кто похулитъ путешествія по разнымъ землямъ, знаніе свойствъ народныхъ. искусство въ Географіи, законахъ, правахъ, политикѣ и проч? Но бываютъ

ютъ такіе странствующіе глупцы, которые, объѣздивъ нѣсколько государствъ, приписываютъ иногда себѣ искусство въ знаніи народовъ или законовъ больше, нежели изъ своего отечества никогда не отлучавшіеся ученые, и посвятившіе на таковое познаніе цѣлой свой вѣкъ. Есть матросы, которые больше болтаютъ и больше мечтаютъ о своемъ мореходномъ знаніи, нежели тѣ, которые по нѣскольку лѣтъ учились Астрологіи и Навтикѣ. Напротивъ же души къ просвѣщенію способнѣйшія, и многимъ напоеваясь ученіемъ, меньше себѣ приписываютъ; нежели, что знаютъ; и никогда не скажутъ, что онѣ все знаютъ. Ибо поелику сіе и не возможно, то неотмѣнно сослаться надобно на Сократово мнѣніе, что онъ одно только то знаетъ, что ничего не знаетъ. Не вѣроятно, а можетъ быть и правда, что (*) Гомеръ

(*) Онъ спросилъ рыбаковъ, поймали ли что? А они отвѣчали: „все, что поймали, бросили; а что не изловили оставили у себя; ризумѣли вшей.

мерЪ отЪ загадки рыбаковЪ сокрушась умерЬ. Или что Аристотель неизвѢстность наукЪ толико извѢдавшіи и вЪ писаніяхЪ своихЪ многократно о томЪ признавшійся, что разумЪ человѢческой недоволенЪ кЪ испытанію дѢлЪ естества, будто негодуя, что не могЪ познать причины прилива и отлива (*), бросился вЪ воду. Правду сказать: завтра тому научитЪ насЪ лучше разсудокЪ ума, нежели что мы нынѢ изучили. Да и Аристотель насЪ не иному чему учитЪ, какЪ чему научился отЪ Платона самЪ, т. е. себя опровергать. ВсѢ роды наукЪ не могутЪ душу успокоить, и хотя мы сперьва называемся (**) Перипатетиками, Стоиками, Академиками, но едва ли наконецЪ не всѢ бываемЪ (***) Сцептиками, и подобно двуличному (****) Янусу,

(*) ОнЪ де притомЪ сказалЪ, естьли я тебя не понимаю, пойми ты меня.

(**) Секты ГреческихЪ ФилософовЪ.

(***) Которые о всемЪ сомнѢвались.

(****) ЯнусЪ языческій БогЪ изображался сЪ двумя противоположенными лицами.

Янусу, вышедъ на пространное наукъ поле, смотримъ на обѣ стороны. И такъ учась вступаемъ мы, едва ли не всѣ въ двѣ Философiи, въ одну школьную; которая учитъ, какъ спорить, разбирать и проч. а въ другую собственную, которой насъ собственной опытъ свой изучилъ. При великой мудрости жаловался Соломонъ на не знанiе свое и на суету ученiя, и чрезъ то показалъ, дабы и мы въ предпрiятiяхъ своихъ болѣе смирялись. Приходитъ еще нѣчто на мысль такое, что заставляетъ книгу закрыть или и бросить, т. е. безразсудно мы иногда теряемъ въ ученiи свой вѣкъ, и по запутаннымъ бродя дорогамъ, тщетно ищемъ того, чего найти не можемъ. И что здѣсь съ превеликимъ трудомъ прiобрѣтаемъ, то не много погодя, мгновенно въ насъ влiется, т. е. въ будущей жизни. Лучше при скромномъ незнанiи довольствоваться натуральнымъ ума благодѣянiемъ, нежели потомъ и трудами доставать не извѣстное въ жизни познанiе, которое даромъ и самымъ глу-

Еккл. 1. ст. 16. 17. 18.

глупѣйшимъ влїетъ смерть, въ прибавокъ будущаго блаженства.

Апок. гл. 22.

9.

Любовь къ супружеству и красотѣ.

Не льзя похулить тѣхъ, которые женятся, да не льзя и тѣхъ похвалить, которые защищаютъ многоженство; иные говорятъ: что лучше бы де кажется было, естьли бы безъ плотскаго совокупленїя другимъ какимъ либо образомъ на свѣтъ раждаться было людямъ можно, или по подобїю растѣнїй. Ибо для просвѣщеннаго мужа нѣтъ ничего презрительнѣе, и ничто столько высокой духъ не разслабляетъ, какъ предаваться любострастїю. Однакожъ не должно это такъ понимать, будто бы надобно было совсѣмъ презрить, или ненавидѣть все прекрасное. Ибо съ особеннымъ удовольствїемъ духа обыкли мы взирать и на пригожїя картины, хотя бы на нихъ лошадь написана была. Кажется, есть во всѣхъ насъ нату-

натуральныя склонности любить то, гдѣ находимъ стройность. Есть заподлинно внутренняя нѣкоторая стройность въ *красотѣ*, и никакіе музыкальные инструменты не могутъ пріятностію сравниться въ преклоненіи себѣ толико сердецъ. И гдѣ только согласіе, порядокъ и сразмѣръ, тамъ есть и стройность, въ какомъ смыслѣ можно допустить и небесныхъ свѣтилъ, какъ бы нѣкое пѣніе. Ибо небесныя оныя движенія такъ порядочно устроены; что хотя и никакого звуку для ушей нашихъ не испускаютъ, но для ума нашего дѣлаютъ наипріятнѣйшій отголосокъ. Все то уловляетъ насъ, что стройно расположено, и о Симметріи тѣхъ головъ надобно сомнѣваться, которые не находятъ вкусу въ пріятной музыкѣ. Ибо любить ея натурально мы преклонны. Да и самыя простыя дудки или рожки, которые инымъ въ веселіе, иныхъ въ неистовство приводятъ, влагаютъ нѣкоторое набожное чувствіе и глубокое размышленіе о первомъ всея музыки сочинителѣ; есть

нѣчто

нѣчто въ ней заподлинно божественное, чего не слышитъ ухо. Ибо есть въ ней нѣкая гieроглифическая и таинственная всея вселенныя тѣнь, и такая въ ушахъ мелодiя, какой справедливо въ мысли воображаемый мiръ. Есть въ ней наконецъ нѣкоторой чувствительной согласной видъ, которой мысленно доходитъ до слуха Божiяго. Не льзя съ Платономъ сказать, что душа есть нѣкоторая Гармонiя, *или* стройность; но можно однакожъ утвердить, что она стройна и весьма подобная прiятно отдающемуся музыкальному звуку. Отъ того то, можетъ быть, происходитъ, что Гармоническое стройное расположенiе тѣла, сходное со стройностiю душевныхъ свойствъ, раждаетъ на свѣтъ Пiитъ.

Основываясь на любви, не имѣетъ мерскихъ оныхъ и худыхъ, и честнаго человѣка не достойныхъ желанiй Христiанинъ. Не желаетъ онъ внутренно голоду или моровой язвы. Не ожидаетъ по календарямъ, или газетамъ

тамъ нещастливыхъ Астрологическихъ приключеній, ни смертоносныхъ затмѣній, ни нещастливаго лѣта; а совокупно съ земледѣльцемъ молится о благоразтвореніи воздуховъ и изобиліи плодовъ земныхъ; съ немощнымъ болѣзнуетъ и самъ. Съ прискорбіемъ духа пріемлетъ, что кромѣ самой смерти, есть болѣзни не излечимыя, въ которыхъ по общему жребію человѣчества участіе беретъ. Естьлижъ общественнѣе сказать; три оныя знаменитѣйшія Профессіи, которыя каждое государство особенно почитаетъ, изъ паденія Адамова проистекли, и безъ его согрѣшенія не были бы на свѣтѣ, не не имѣютъ своихъ слабостей, т. е. какъ врачебная наука имѣетъ не излечимыя болѣзни; такъ Юриспруденція не рѣшимыя дѣла; такъ есть въ душѣ не исправимые пороки. Не хвастая ученіемъ прямо: можно сказать, что есть одно всеобщее всѣхъ дѣлъ врачевство, коего мы всегда стараемся убѣгать. Ибо смертъ исцѣляетъ насъ отъ всѣхъ болѣзней. Кромѣ сего, нѣтъ никакаго обществен-

нѣе врачевства, которое сколько ни противно тѣмъ, у коихъ испорченъ желудокъ: но для имѣющихъ хорошей вкусъ есть нектаръ и наипріятнѣйшее безсмертія питіе.

10.

Любовь въ обращеніяхъ.

Со всѣми людьми не иначе обходиться должно, какъ солнце, которое сіяетъ на благихъ и злыхъ. Да и не должны мы никого злымъ почитать, а всякой можетъ быть предобрымъ, доколѣ въ своихъ предѣлахъ, и прехудымъ, когда изъ оныхъ выступаетъ. Великія добродѣтели и не меньшіе пороки въ людяхъ быть могутъ. Но нѣтъ ни одной столько поврежденной и попорченной души, въ коей бы не было добрыхъ склонностей, которыя изъ превозмогательства и усилія пороковъ болѣе выникнуть стараются, и отъ своей общей заразы невредимы пребываютъ. Самой ядъ содержитъ иногда въ себѣ средство, которымъ вредительности своей противится, и которое отнявъ, не только для насъ смертоносенъ,

сенъ, но и для себя будетъ. Но намъ больше должно бояться внутренняго повреждения, нежели внѣшней заразы. Надлежитъ намъ отъ внутренняго онаго сражения бѣдствие: мы сами себѣ вредоносны. Есть въ насъ нѣкоторой человѣкъ не совершенной, и первоначальнаго грѣха снѣдаетъ насъ, какъ червь, зараза. И потому можемъ мы въ ежедневныхъ молитвахъ нашихъ говорить: *Боже избави насъ отъ насъ.* Нѣтъ ни въ комъ единства, кромѣ въ единомъ Богѣ, которой собственнымъ довольствуясь окружиемъ, самъ по себѣ пребываетъ. Прочия всѣ разнородныя свѣта части пребывание свое имѣютъ посредствомъ Божияго притечения и съ помощию его десницы, которая содержитъ ихъ естество. Богъ есть прямо единъ, а прочее все единство превосходитъ, понеже бываетъ во множествѣ.

11.

Любовь безъ самолюбия.

Что касается до жизни человѣческой, она кажется тритцатилѣтнимъ

чудомъ, коея исторію, ежели начать описывать, то не столько истинною, сколько баснею покажется. Міръ сей не столько гостепріимницей, сколько врачебницей покажется. Мѣстомъ больше гдѣ умираютъ, нежели гдѣ живутъ. А міромъ здѣсь разумѣю я собственное мое устроеніе, т. е. себя *міръ малой*, которой предлежитъ нашему попеченію и очамъ. Употребляемъ мы сей міра округъ подобно, какъ Географической шаръ, которой мы для мысленныхъ очей сюда и туда обращаемъ. Кто смотритъ на насъ только по внѣшности, т. е. разбирая состояніе и щастіе наше, тотъ въ высотѣ погрѣшаетъ. Стоимъ мы ногами на Атлантовыхъ плечахъ; ибо земля есть пунктъ не только въ разсужденіи окружности небесной, но и въ разсужденіи оной частицы небесной, которая въ насъ жилище имѣетъ. Тѣлесная сія тяжесть, которая насъ ограничиваетъ, не полагаетъ предѣловъ душѣ. Послѣдняя оная поверьхность, которая отъ предѣловъ своихъ содвигаетъ небеса, заставляетъ недоставать

сіи

сіи границы. Хотя бы тѣло наше было 360 лактей подобно Ноеву Ковчегу; но душу въ себѣ заключить не можетъ. Какъ только тщательнѣе вникнемъ въ малый міръ, невѣдомо что то находимъ въ немъ болѣе, нежели въ великомъ мірѣ. Есть заподлинно въ насъ нѣсколько божества, есть нѣчто больше, нежели стихіи, есть то, что области солнечной не подлежитъ. Что человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе, тому не только священное писаніе, но и натура насъ научаетъ. Кто этого не знаетъ, тотъ человѣческаго ученія мало коснулся, тотъ еще и азбуки въ человѣкѣ не выучилъ. Каждой Христіанинъ можетъ про себя безъ обиды другимъ сказать: нѣтъ меня на свѣтѣ щастливѣе. *Пусть падетъ небо, но да будетъ воля твоя Господи!* Сіе изреченіе во всякомъ случаѣ подпорою быть можетъ. Ибо съ нами ничего другаго приключиться не можетъ, какъ то, о чемъ мы ежедневно молимся. Кратко сказать, всякъ своимъ щастіемъ долженъ быть доволенъ.

Да и что болѣе сего можетъ дать намъ промыслъ? Сію то свою долю называемъ мы щастіемъ. Сіе получивъ, и въ самомъ снѣ бываемъ щастливы.

Заподлинно кажется, что всѣ вещи, которыя насъ увеселяютъ, большее производятъ въ насъ чувствіе *по снѣ*, нежели на яву. Ежели бы сего не было, то были бы мы нещастливы. Ибо пробудясь лишаемся мы друга, съ которымъ въ слѣдующую ночь паки лобызаемся. За пріятныя грѣзы не меньше мы обязаны Богу благодарить, какъ за сладкой сонъ. Ибо содержатъ онѣ въ себѣ тѣ удовольствія, которыми честныя желанія наши услаждаются. Подлинно не льзя еще того Меланхоликомъ назвать, естьлибы кто сказалъ, что мы и всѣ въ мірѣ семъ спимъ, и все, что ни дѣлаемъ, о чемъ ни разсуждаемъ, все это сонъ. Между настоящія и будущія жизни воображеніями столькожъ различія, сколько между дѣйствіями бывающими во снѣ и на яву. Равно въ обѣихъ обманъ, тѣни однѣ и начертанія другихъ. Мы во снѣ какъ бы превыше

себя

себя находимся, и душа тогда начинаетъ быть на яву, когда тѣло начинаетъ спать. Связываются тогда чувства, а разумъ свободу получаетъ. Однакожъ не должно сравнивать грѣзы спящихъ съ размышленіями бывающими на яву. Случается, что человѣкъ по натурѣ тихой и непроворной, не любящій ни обращенія, ни увеселеній, въ одной грѣзѣ разомъ комедію сочинитъ, на театрѣ сядетъ, будетъ смотрѣть, слушать, руками плескать, или отъ смѣху проснется. И ежелибы столько обширна была память, сколько душа, то учиться не надобно бы иначе, какъ во снѣ, и лучшаго для молитвы времени искать было бы не надобно; но потемненная память наша, будучи подъ тотъ часъ отъ души отвлеченною; проснувшись здѣланнаго иначе не можетъ представить, какъ только сбивчиво и несовершенно. Что есть прямо *сонъ*, того ни Аристотель (хотя писалъ цѣлое ученія отдѣленіе о снѣ), ни Галенъ, которой его поправлялъ, опредѣлить не могли. Ибо не извѣстно, почему

лунатики, или тѣ, которые встаютъ и ходятъ по ночамъ, и спящіе отправляютъ дѣйствіе ихъ чувствамъ принадлежащее. Почему признаться должно, что есть въ насъ нѣчто такое, что не подлежитъ (*) Морфеевой области. Правда называемъ мы сонъ смертію, но мы губимъ себя не во снѣ, а на яву. Не спящіе вредимъ душѣ, въ которой все жилище нашея жизни. Въ такомъ то случаѣ представляется живо смерть; ибо по справедливости живетъ только тотъ, кто имѣетъ способность и долгъ отправлять естественныя свои должности. Милосердо Ѳемистоклъ поступилъ, что спящаго воина убилъ; ибо легчайшаго рода наказанія нѣтъ, сколько доселѣ законами ни было изобрѣтаемо, и о чемъ видно (**) Луканъ и Сенека не знали; сія то есть смерть: которою ежедневно и прямо умираемъ. Смерть коею умеръ Адамъ прежде, нежели сдѣ-

(*) Морфей почитался богомъ сна.

(**) Обоимъ Неронъ приказалъ избрать какую хотятъ смерть; и оба пущеніемъ крови разсудили умереть.

сдѣлался смертнымъ. Смерть коею живемъ между жизнiю и смертiю: наконецъ смерть толь смерти подобная, что предаваться ей не льзя безъ пролитiя молитвъ, не льзя ложась спать и прощаясь съ свѣтомъ безъ разглагольствованiя съ Богомъ.

(*) Мы во тьмѣ и во мракѣ живемъ подобномъ слабому
(свѣту
И ты о Боже насъ потщися отъ тьмы свободить!
Въ нощи намъ грѣховной здѣ благодати сiянiя нѣту.
Ты единъ солнца свѣтъ даждь съ тобою день намъ
(проводить.
И насъ спящихъ не дремлющимъ промысломъ тво-
(имъ защищая,
Прогони въ такомъ снѣ намъ злостно вредящихъ вра-
(говъ
И какъ спящему древле Iакову милость о Боже являя;
Изми отъ сѣтей ихъ коварныхъ и тяжкихъ оковъ.
Да душа на небо, какъ птичка изъ клѣтки къ тебѣ
(возлѣтаетъ,
Когда тѣло мое прiятнымъ покоится сномъ
Да воспрянувъ отъ тьмы къ небесному свѣту мысль
(притекаетъ
Когда солнце идетъ не преложно въ теченьи своемъ.
Неиначе бы мы житiя здѣсь подвиги проходили.
Образъ смерти есть сонъ научимся же какъ умирать.
О небесный отче подаждь, чтобъ отъ сна мы себя
(возбудили
По краткомъ ли снѣ иль долгомъ желалибъ къ тебѣ
(воставать

 Скажи

(*) Стихи анапесто-ямбическiе.

Скажи намъ кончину дней и доколѣ во мракѣ здѣсь (жити?
Какъ тѣнь, или цвѣтъ, какъ вода наша жизнь вся (течетъ
О Боже подаждь со спокойствіемъ намъ отселѣ (изыти!
Да во свѣтѣ съ тобой немерцающемъ духъ нашъ живетъ.

При такомъ разглагольствіи съ Богомъ, идущимъ спать, не будетъ нужды пить для крѣпкаго сна лѣкарства. Въ такомъ спокойствіи попрощавшись съ солнечнымъ свѣтомъ, должны мы ложиться спать; и такой спокойной сонъ до воскресенія мертвыхъ продолжать.

12.

Любопь противна корыстолюбію.

Къ собиранію богатства никто не рожденъ, и чего хотимъ себѣ, то и другимъ дѣлать должно. На семъ основываясь къ ближнему любовь, и ничего ей противнѣе не находитъ корыстолюбія. Оно не столько кажется порокомъ, сколько безуміемъ и неистовствомъ. Думать о себѣ, какъ бы о мертвомъ, или въ разговорахъ о нѣмомъ, не столько смѣшно и безумно ка-

кажется. Иные называютъ снѣгъ чернымъ, что душа есть воздушная, водяная, огненная, проч. Но это все разсужденіе Философское и довольно здравымъ покажется, естьли только разсмотрѣть явное и бѣднѣйшее сумазбродство сребролюбія. Человѣкъ просвѣщенный въ разсужденіи сего (*) Стигійскаго и подземнаго идола будетъ всегда безбожникъ. Не можетъ онъ чтить то, что подлой народъ уважаетъ. Можетъ быть какая нибудь изъ него изготовленная смѣсь наружно въ немъ что либо и подѣйствуетъ, а въ дѣйствіяхъ нравственныхъ ничего. Ибо къ нечестному дѣлу и обѣихъ Индій богатство его не привлечетъ. Строго правда дѣлаетъ (**) Аристотель, исключая изъ числа свободныхъ людей нищихъ и не имущихъ. Но ежели его разсужденіе праведно, то просвѣщенной одними щедрыми желаніями и благотворительнымъ намѣреніемъ будетъ въ числѣ сво-

(*) Стигійскія тоже что адскія воды по баснословію.

(**) См. кн. 4. нрав. гл. 1.

свободныхъ. Ежели одна вдовицы оныя лепта не только къ нашему удивленію служитъ, но и въ примѣръ любви предложена, то и нищіе могутъ строить богадѣльни, и будутъ также, какъ богачи, созидать храмы. Просвѣщенный въ любви пріемлетъ способъ, которой другіе пренебрегаютъ. Отъ себя самого беретъ случай благотворить и отъ недостатка своего научается тогда другимъ помогать, когда самъ бѣдность претерпѣваетъ. Богатъ тотъ, кто имѣетъ чемъ другому помочь: да и нѣтъ такого бѣднаго, которой бы не имѣлъ толь щедрыхъ и искреннихъ предпріятій, коими бы не могъ найти какой нибудь путь къ оказанію благотвореній. (*)
Прит. *Милуяй нища взаимъ даетъ Богу.*
19. 17. Изреченіе сіе гораздо больше имѣетъ красоты, нежели всѣ проповѣди. Естьли бы съ такимъ же напряженіемъ старались мы познавать острыя мысли древнихъ Авторовъ; заподлинно не было бы нужды въ толикомъ много-

(*) Сирахъ.

множествѣ книгъ и учителей. По сокращенію можно бы быть всѣмъ добрыми. По сей причинѣ не льзя намъ мимо нищаго пройти; чтобъ не помочь ему карманомъ, или душѣ его молитвой. Прошлое оное и одно только театральное различіе, которое дѣлаетъ между нами несходство, недопускаетъ забыть общую обоимъ намъ участь. Подъ раздраннымъ симъ рубищемъ, и въ изуродованныхъ его тѣла членахъ имѣютъ жилище свое души, которыя ни по своему существу, ни по своей породѣ, ничемъ не хуже нашихъ. Всѣмъ Богъ есть родитель, всѣмъ равно отверстой ко спасенію путь.

13.

Любовь сродства безъ любви къ Богу маловажна.

Есть еще другая часть любви, сея любви столпъ и основаніе, т. е. *любовь къ Богу*, для котораго любимъ ближняго. А любимъ ближняго для Бога. Все, что есть любезное для насъ,

есть

есть Богъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторая отдѣленная его часть, содержащая въ себѣ нѣсколько божества. Страсти наши къ тому паче устремляются, что не видимо. Такимъ образомъ любимъ добродѣтель. которую не видимъ. Объемлемъ ея, хотя она сама въ себѣ и не объемлемая. Любовь родителей, горячность женъ, или дѣтей, гораздо маловажнѣе любви божеской. Ежелижъ есть между ими какой крѣпчайшей союзъ, то взаимная родителей и дѣтей страсть, которую по мнѣнію вашему находимъ не разрывною. Прилѣпляемся мы къ женѣ, забывая въ женѣ матерь, забывая родившее насъ чрево въ той, которая имѣетъ родить подобіе наше. А когда жена ощастливитъ насъ дѣтьми, то паки премѣняется страсть, и отъ супруги преходитъ къ дѣтямъ, хотя и тамъ не тверже будетъ. Дѣти пришедши въ совершенной возрастъ, или желаютъ намъ смерти, или вступивъ въ бракъ, имѣютъ правильную причину свою любовь отъ родителей къ женѣ преносить. Такъ мы въ живѣ видѣть

дѣть можемъ свое погребенiе и въ своемъ порожденiи гробъ.

Заключенiе.

И такъ при окончанiи всего должно сказать, что нѣтъ (*) подъ солнцемъ никакого благополучiя, и много повторенное оное восхитительное Соломоново изреченiе, т. е. *суета суетствъ и оскорбленiе духа*: нельзя справедливѣйшимъ не признать. Нѣтъ никаковаго благополучiя во всемъ томъ, что мiръ почитаетъ. (**) Аристотель опровергая Платона, въ егожъ мысль попалъ, когда утвердилъ: крайнее благо есть не иное что, какъ сонъ и Химера. А не опасно назвать то крайнимъ благомъ, чемъ наслаждаясь Богъ и Святые Ангелы, суть блаженны. И чего лишась дьяволы, вѣчно нещастливы. Кромѣ сего о какомъ бы щастiи простые ни говорили, все будетъ одна

(*) Сирахъ.

(**) Въ Метаф. кн. 1. гл. 7. см. Августин. о град. Бож. кн. 19. гл. 1.

сетъ

на баснь и провидѣніе и милой обманъ только, кромѣ имени, никакого въ себѣ благополучія не заключающій. Но ежели, о преблагій Боже! въ сей жизни подашъ ты мнѣ спокойствіе совѣсти, преодолѣніе страстей, къ тебѣ и любезнѣйшимъ моимъ непрерывную любовь; то самый (*) Крезъ будетъ предо мною наибѣднѣйшій. Всѣ случаи, которые здѣсь благополучными называемъ, и въ которыхъ десницѣ твоей мѣры и предѣловъ положить не возможно, всебезконечная премудрость твоя да благоволитъ устроить на мнѣ, яко же хощетъ. Что ни будетъ со мною, *да будетъ воля твоя.*

(*) Лидійскій пребогатѣйшій Царь.

КОНЕЦЪ.

+

Мы не можемъ содѣлать людей таковыми, каковыми содѣлать бы желали, и для того должны они терпимы быть таковыми, каковы суть. Маркъ Аврелiй Онравственности.

Не удивляйтесь что человѣкъ можетъ учиниться подобнымъ Богу: раздѣляющiй слезы и скорби ближняго своего, и который даетъ изъ своего изобилiя бѣднымъ, и влагаетъ въ нѣдро нищихъ блага полученныя имъ отъ щедроты Божiей; дѣлается Богамъ тѣхъ которыхъ бываетъ помощникомъ и покровителемъ, и самъ уподобляется Богу.

Злат: о любви.

міръ, плоть и діаволъ, i҃и